

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2022 Том 27, №2

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2022

Издание основано в 2007 г.

Учредитель: ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

Главный редактор:

П. К. Дашковский, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Международный совет:

Ш. Мустафаев, доктор исторических наук, академик АН Азербайджана, (Азербайжан, Баку)

А. С. Жанбосинова, доктор исторических наук (Казахстан, Нурсултан)

С. Д. Атаев, кандидат исторических наук (Туркменистан, Ашхабад)

Н. И. Осмонова, доктор философских наук (Киргизия, Бишкек)

Ц. Степанов, доктор исторических наук (Болгария, София)

А. М. Досымбаева, доктор исторических наук (Казахстан, Нурсултан)

З. С. Самашев, доктор исторических наук (Казахстан, Нурсултан)

М. Гантуяа, Ph.D. (Монголия, Улан-Батор)

И. Ёсиро, доктор гуманитарных наук (Япония, Токио)

Е. Смолари, Ph.D. (Германия, Бонн)

Х. Омархали, доктор философских наук (Германия, Берлин)

Редакционная коллегия:

С. А. Васютин, доктор исторических наук (Россия, Кемерово)

Н. Л. Жуковская, доктор исторических наук (Россия, Москва)

А. П. Забияко, доктор философских наук (Россия, Благовещенск)

А. А. Тишкин, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Н. А. Томилов, доктор исторических наук (Россия, Омск)

Т. Д. Скрынникова, доктор исторических наук (Россия, Санкт-Петербург)

О. М. Хомушку, доктор философских наук (Россия, Кызыл)

М. М. Шахнович, доктор философских наук (Россия, Санкт-Петербург)

Е. С. Элбакян, доктор философских наук (Россия, Москва)

Л. И. Шерстова, доктор исторических наук (Россия, Томск)

А. Г. Ситдииков, доктор исторических наук (Россия, Казань)

М. М. Содномпилова, доктор исторических наук (Россия, Улан-Удэ)

К. А. Колобова, доктор исторических наук (Россия, Новосибирск)

Е. А. Шершнева (отв. секретарь), кандидат исторических наук (Россия, Барнаул)

Редакционный совет:

А. В. Бауло, доктор исторических наук (Россия, Новосибирск)

Л. Н. Ермоленко, доктор исторических наук (Россия, Кемерово)

Ю. А. Лысенко, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Л. С. Марсадолов, доктор культурологии (Россия, Санкт-Петербург)

Г. Г. Пиков, доктор исторических наук, доктор культурологии (Россия, Новосибирск)

А. В. Горбатов, доктор исторических наук (Россия, Кемерово)

К. А. Руденко, доктор исторических наук (Россия, Казань)

А. В. Поляков, доктор исторических наук (Россия, Санкт-Петербург)

А. К. Погасий, доктор философских наук (Россия, Казань)

С. А. Яценко, доктор исторических наук (Россия, Москва)

С. В. Любичанковский, доктор исторических наук (Россия Оренбург)

А. Д. Таиров, доктор исторических наук (Россия, Челябинск)

Д. В. Папин, кандидат исторических наук (Россия, Новосибирск)

Журнал утвержден научно-техническим советом Алтайского государственного университета и зарегистрирован Комитетом РФ по печати.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77–78911 от 07.08.2020 г. Все права защищены.

Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

Адрес редакции: 656049, Алтайский край, Барнаул, ул. Димитрова, 66, ауд. 312, Алтайский государственный университет, кафедра регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений.

© Оформление. Издательство Алтайского госуниверситета, 2022

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2022 Vol. 27, №2

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

Barnaul

Publishing house
of Altai State University
2022

The journal was Founded in 2007
The founder of the journal is Altay State University

Executive editor:

P. K. Dashkovskiy, doctor of historical sciences
(Russia, Barnaul)

International council:

Sh. Mustafayev, doctor of historical sciences,
academician of the Academy of Sciences of
Azerbaijan (Azerbaijan, Baku),

A. S. Zhanbosinova, doctor of historical sciences
(Kazakhstan, Nursultan)

S. D. Atdaev, candidate of historical sciences
(Turkmenistan, Ashgabat)

N. I. Osmonova, doctor of philosophical sciences
(Kyrgyzstan, Bishkek)

Ts. Stepanov, doctor of historical sciences
(Bulgariy, Sofiy)

Z. S. Samashev, doctor of historical sciences
(Kazakhstan, Nursultan)

A. M. Dossymbaeva, doctor of historical sciences
(Kazakhstan, Nursultan)

M. Gantuya, Ph.D. (Mongolia, Ulaanbaatar)

Y. Ikeda, doctor of Humanities (Tokyo, Japan)

E. Smolarts, Ph.D. (Germany, Bonn)

Kh. Omarkhali, doctor of philosophy (Germany,
Berlin)

Editorial team:

S. A. Vasyutin, doctor of historical sciences
(Russia, Kemerovo)

N. L. Zhukovskaya, doctor of historical sciences
(Russia, Moscow)

A. P. Zabiako, doctor of philosophical sciences
(Russia, Blagoveshchensk)

A. A. Tishkin, doctor of historical sciences
(Russia, Barnaul)

N. A. Tomilov, doctor of historical sciences
(Russia, Omsk)

T. D. Skrynnikova, doctor of historical sciences
(Russia, St. Petersburg)

O. M. Khomushku, doctor of philosophical sciences
(Russia, Kyzyl)

M. M. Shakhnovich, doctor of philosophical
sciences (Russia, St. Petersburg)

E. S. Elbakyan, doctor of philosophical sciences
(Russia, Moscow)

L. I. Sherstova, doctor of historical sciences
(Russia, Tomsk)

A. G. Sitdikov, doctor of historical sciences
(Russia, Kazan)

M. M. Sodnompilova, doctor of historical sciences
(Russia, Ulan-Ude)

K. A. Kolobova, doctor of historical sciences
(Russia, Novosibirsk)

E. A. Shershneva (executive secretary), candidate
of historical sciences (Russia, Barnaul)

Editorial Council:

A. V. Baulo, doctor of historical sciences
(Russia, Novosibirsk)

L. N. Ermolenko, doctor of historical sciences
(Russia, Kemerovo)

Yu. A. Lysenko, doctor of historical sciences
(Russia, Barnaul)

L. S. Marsadolov, doctor of Culturology
(Russia, St. Petersburg)

G. G. Pikov, doctor of historical sciences, doctor
of cultural studies (Russia, Novosibirsk)

A. V. Gorbatov, doctor of historical sciences
(Russia, Kemerovo)

K. A. Rudenko, doctor of historical sciences
(Russia, Kazan)

A. K. Pogasiy, doctor of philosophical sciences
(Russia, Kazan)

A. V. Polaykov doctor of historical sciences
(Russia, St. Petersburg)

S. A. Yatsenko, doctor of historical sciences
(Russia, Moscow)

S. V. Lyubichankovsky, doctor of historical sciences
(Russia, Orenburg)

A. D. Tairov, doctor of historical sciences
(Russia, Chelyabinsk)

D. V. Papin, candidate of historical sciences
(Russia, Novosibirsk)

*Approved for publication by the Joint Scientific and
Technical Council of Altai State University. All rights
reserved. No publication in whole or in part may
be reproduced without the written permission
of the authors or the publisher. Registered with
the RF Committee on Printing. Registration
certificate PI № ФС 77-78911. Registration date
07.08.2020 г.*

Editorial office address: 656049, Altai region,
Barnaul, ul. Dimitrova, 66, office 312, Altai state
University, Department of regional studies of
Russia, national and state-confessional relations.

© Altai State University Publisher, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ
2022 Том 27, №2

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Иванов С. С.</i> Сакская культура Алая (юго-западная часть Киргизии).....	7
<i>Идэрхангай Т.-О., Серегин Н. Н.</i> Тюркские оградки комплекса Устийн ам (Центральная Монголия).....	28
<i>Марсадолов Л. С.</i> Астростелы — указатели сакральных путей на древнем святилище Туру-Алты на Алтае.....	39
<i>Савельева А. С.</i> Состав металла инвентаря из погребения подгорновского этапа тагарской культуры могильника Косоколь II в северной лесостепи (по материалам раскопок А. И. Мартынова 1985 г.)	72
<i>Трапезов Р. О., Пилипенко А. С., Черданцев С. В., Томилин М. А., Пилипенко И. В., Журавлев А. А., Пристяжнюк М. С., Демин М. А., Савко И. А., Папин Д. В.</i> Первые результаты палеогенетического исследования носителей андроновской (федоровской) культуры из могильников Чекановский лог-2, 10	87

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Тишин В. В.</i> Понятие qut в памятниках древнетюркской рунической письменности: ревизия трактовок	105
<i>Дашковский П. К., Шершнева Е. А., Цэдэв Н.</i> Социологическое изучение образа России в представлениях населения Западной и Центральной Монголии.....	121

Раздел III

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Кубаев С. Ш.</i> О некоторых элементах храмов Средней Азии	136
<i>Дашковский П. К., Дворянчикова Н. С.</i> Социальная и культурно-просветительская деятельность религиозных организаций в Западной Сибири в конце XX в. (по материалам Новосибирской области)	147
<i>Недзельюк Т. Г.</i> «Полковые священники» неправославных исповеданий в Российской империи (на примере сибирского региона)	166

ДЛЯ АВТОРОВ	177
--------------------------	-----

CONTENT

NATIONS AND RELIGIONS OF THE EURASIA

2022 Vol. 27, №2

Section I

ARCHAEOLOGY AND ETNO-CULTURAL HISTORY

<i>Ivanov S. S.</i> Saka culture of Alai (south-western Kyrgyzstan).....	7
<i>Iderkhangai T.-O., Seregin N. N.</i> Turkic enclosures of the Ustiin am complex (Central Mongolia).....	28
<i>Marsadolov L. S.</i> Astrostels-indicators of sacred ways at ancient sanctuary Turu-Alty on Altai.....	39
<i>Savel'eva A. S.</i> Metal composition of inventory from the grave of the podgornovsky stage of the tagar culture of the Kosogol II burial ground in the northern forest- steppe (according to the materials of excavations by A. I. Martynov in 1985)	72
<i>Trapezov R. O., Pilipenko A. S., Cherdantsev S. V., Tomilin M. A., Pilipenko I. V., Zhuravlev A. A., Priestyazhnyuk M. S., Demin M. A., Savko I. A., Papin D. V.</i> The first results of the paleogenetic investigation of andronovskaya (fedorovskaya) culture burials from site Chekanovskiy log-2, 10	87

Section II

ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY

<i>Tishin V. V.</i> A term cut in the monuments of old turkic runic writing revisited.....	105
<i>Dashkovskiy P. K., Shershneva E. A., [Cedav N.]</i> Sociological study of the image of Russia in the population's representations of western and central Mongolia	121

Section III

RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS

<i>Kubaev S. Sh.</i> About some elements of the temples of Central Asia	136
<i>Dashkovskiy P. K., Dvoryanchikova N. S.</i> Social and cultural and educational activities of religious organizations in Western Siberia at the end of the XX century (based on the materials of the Novosibirsk region)	147
<i>Nedzelyuk T. G.</i> "Regimental priests" of non-orthodox confessions in the Russian empire (on the example of the Siberian region).....	166

FOR AUTHORS	177
--------------------------	-----

УДК 902.03

DOI: 10.14258/nreur(2022)2–03

Л. С. Марсадолов*Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург (Россия)*

АСТРОСТЕЛЫ — УКАЗАТЕЛИ САКРАЛЬНЫХ ПУТЕЙ НА ДРЕВНЕМ СВАТИЛИЩЕ ТУРУ-АЛТЫ НА АЛТАЕ

Подробно анализируются материалы древнего святилища Туру-Алты на Алтае. В урочище Туру-Алты расположены разнообразные курганы, вертикально стоящие стелы в оградках, выкладки, обо на вершине горы, петроглифы и другие объекты. Саяно-Алтайской археологической экспедицией Государственного Эрмитажа на этом памятнике впервые были прослежены сакральные пути для подъема к главному алтарю на вершине горы и для спуска двумя-тремя другими путями вниз к подножью горы. Различные по типам пункты свидетельствуют о большой сумме планиграфических, метрологических и астрономических знаний, вложенных в разметку и сооружение объектов на святилище Туру-Алты. Образ оленя учёные часто связывают с символом Солнца, постоянного возрождения на востоке и с ежегодным приростом отростка рога у оленя. С эпохи бронзы до этнографического времени функционировало святилище в Туру-Алты, вероятно, иногда с перерывами на длительные периоды. Даты этого памятника могут быть определены по наскальным рисункам, стелам в оградках и конструкции курганов.

Идея сакрального «Пути» была широко распространена на территории Евразии в первой половине I тыс. до н. э. В Китае эта идея оформилась в глубокое философско-религиозное учение — даосизм в середине I тыс. до н. э., а в Центральной Азии постепенно привело к культу Неба — к тенгрианству.

Ключевые слова: Алтай, Туру-Алты, Монголия, святилище, алтарь, курган, выкладка, стела, астроархеология, петроглифы, олень.

Цитирование статьи:

Марсадолов Л. С. Астростелы — указатели сакральных путей на древнем святилище Туру-Алты на Алтае // Народы и религии Евразии. 2022. Т. 27, №2. С. 39–71. DOI: 10.14258/nreur(2022)2–03.

L. S. Marsadolov

The State Hermitage Museum, St. Petersburg (Russia)

ASTROSTELS-INDICATORS OF SACRED WAYS AT ANCIENT SANCTUARY TURU-ALTY ON ALTAI

The article analyzes in detail the materials of the ancient sanctuary of Turu-Alty in Altai. In the Turu-Alty tract there are various burial mounds, vertically standing steles in enclosures, displays, on the top of the mountain, petroglyphs and other objects. The Sayano-Altai archaeological expedition of the State Hermitage Museum, for the first time, sacred paths were traced at this monument for ascending to the main altar at the top of the mountain and for descending 2–3 other ways down to the foot of the mountain. Points of various types indicate a large amount of planigraphic, metrological and astronomical Knowledge invested in the marking and construction of objects at the Turu-Alty sanctuary. Scientists often associate the image of a deer with the symbol of the Sun, constant rebirth in the East and with the annual growth of the deer antler. From the Bronze Age to the ethnographic time, a sanctuary functioned in Turu-Alty, probably sometimes intermittently for long periods. The dates of this monument can be determined from rock paintings, steles in enclosures and the construction of barrows. The idea of the sacred “Way” was widespread in Eurasia in the 1st half of the 1st millennium BC. In China, this idea took shape in a deep philosophical and religious teaching — Taoism in the middle of the 1st millennium BC, and in Central Asia it gradually led to the cult of Sky — to Tengianism.

Keywords: Altai, Turu-Alty, Mongolia, sanctuary, altar, barrow, display, stele, astroarcheology, petroglyphs, deer.

For citation:

Marsadolov L. S. Astrostels-indicators of sacred ways at ancient sanctuary Turu-Alty on Altai. Nations and religions of Eurasia. 2022. T. 27, № 2. P. 39–71. DOI: 10.14258/nreur(2022)2–03.

Марсадолов Леонид Сергеевич, доктор культурологии, ведущий научный сотрудник отдела археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа, Санкт-Петербург (Россия). **Адрес для контактов:** marsadolov@hermitage.ru.

Marsadolov Leonid Sergeevich, doctor of Cultural Studies, Leading Researcher at the Department of Archaeology of Eastern Europe and Siberia of The State Hermitage Museum, St. Petersburg (Russia). **Contact address:** marsadolov@hermitage.ru.

Введение

Сакральные аспекты мировоззренческих представлений всегда были важны для древних кочевников Горного Алтая, поэтому археологи уделили много внимания этой проблематике [Грязнов, 1950; Руденко, 1953; Кубарев, 1979; Шер, 1980; Жречество, 1996; Марсадолов, 2000, 2007, 2021; Святителища, 2000; Шульга, 2000; Тишкин, Горбунов, 2005; Дашковский, 2007, 2011; Молодин, Ефремова, 2010; Шелепова, 2009]. На разных по своим функциям святителищах проводились как сложные обряды, так и обучение сакральным знаниям. Детальное изучение святителищ помогает понять и объяснить отдельные жизненно важные аспекты, которые не нашли отражение в погребальной обрядности кочевников.

Почти на всех святителищах Саяно-Алтая, находящихся на горах, разметку и размещение сакрально значимых пунктов производили не за один год, а для более глубокого осознания связей с окружающей природной средой, постоянно дополняли всё новыми объектами. В наиболее важных точках и на пересечениях разметочных линий воздвигали стелу, изваяние или сооружали выкладку, керексур, курган и другие объекты.

Общие сведения о святителище в Туру-Алты

Святителище Туру-Алты расположено на правом берегу реки Бар-Бургазы, в межгорном урочище Туру-Алты, в 15 км к северо-западу от Юстыдского комплекса [Кубарев, 1979; Кубарев, Якобсон, Масумото, 1993; Якобсон, 1993; Марсадолов, 1996, 2007, 2021]. Координаты этого святителища: широта (С) — 49°50,5'; долгота (В) — 89°7,9'; высота над уровнем моря — 2080 м. Азимут астрономический равен азимуту магнитному минус 6,2°.

Первые исследования на святителище Туру-Алты (Юго-Восточный Алтай) были проведены в середине 1970-х гг. В. Д. Кубаревым, к работам которого позднее присоединились Э. Якобсон, Т. Масумото, Я. А. Шер, А. П. Франкфор и другие археологи. Во время новых исследований Саяно-Алтайской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа (далее СААЭ ГЭ) под руководством Л. С. Марсадолова в 1995 и 2003 гг. были поставлены задачи выявления связей курганов, выкладок, стел, наскальных изображений между собой, с окружающим ландшафтом и значимыми астрономическими направлениями. В 2006–2008 гг. экспедиция Кемеровского университета копировала петроглифы в Туру-Алты [Мартынов и др., 2019]. С целью получения цифровой модели комплекса в 2014–2015 гг. на этом святителище работала экспедиция Горно-Алтайского и Гентского (Бельгия) университетов.

У подножия горы и на горных склонах в урочище Туру-Алты СААЭ ГЭ было зафиксировано большое число разнородных объектов (табл. 1; рис. 1: 1): стелы (С), оградки (О); курганы с квадратной оградой и округлой насыпью в центре (КООН), курганы с квадратной насыпью (КН), курганы с округлой насыпью из плоских камней или из валунов (ОН), каменные ящики (КЯ). Наиболее разнообразны по форме каменные оградки из вертикально вкопанных плит или горизонтально уложенных камней.

В разных частях урочища Туру-Алты расположены три группы курганов (рис. 1.-1). Первая группа находится на невысоком горном увале в западной части урочища, она ориентирована по линии север — юг и включает в себя пять объектов: четыре округ-

лых кургана диаметром по 9–11 м, высотой — до 0,8 м (№ 25–28); а также один более крупный округлый курган в прямоугольной ограде (№ 29).

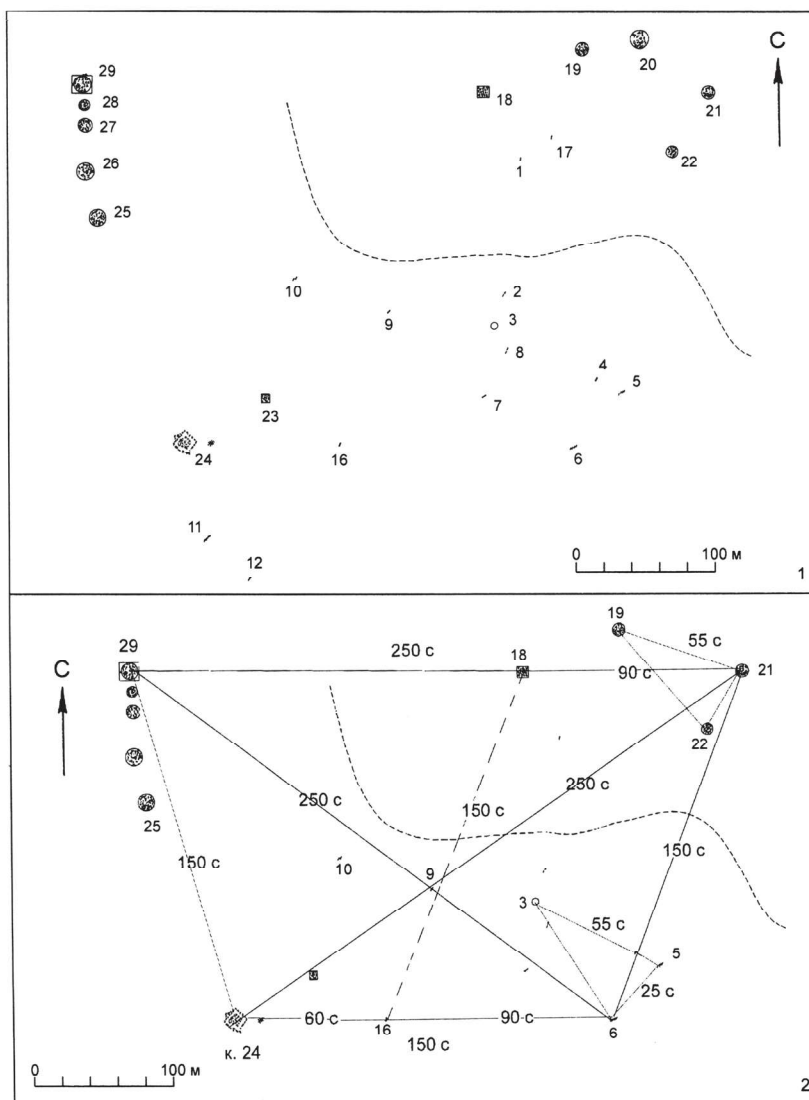

Рис. 1. Туру-Алты, Юго-Восточный Алтай: 1 — общий план расположения объектов в урочище; 2 — предполагаемые основные линии разметки, соединяющие не менее трёх объектов (указано расстояние между объектами в прямых саженьях/кулашах по 1,8 м, а также номера задействованных пунктов)

Fig. 1. Turu-Alty, South-East Altai: 1 — general plan for the location of objects in the tract; 2 — the proposed main marking lines connecting at least three objects (the distance between objects is indicated in straight sazhen / kulash 1.8 m each, as well as the numbers of the points involved)

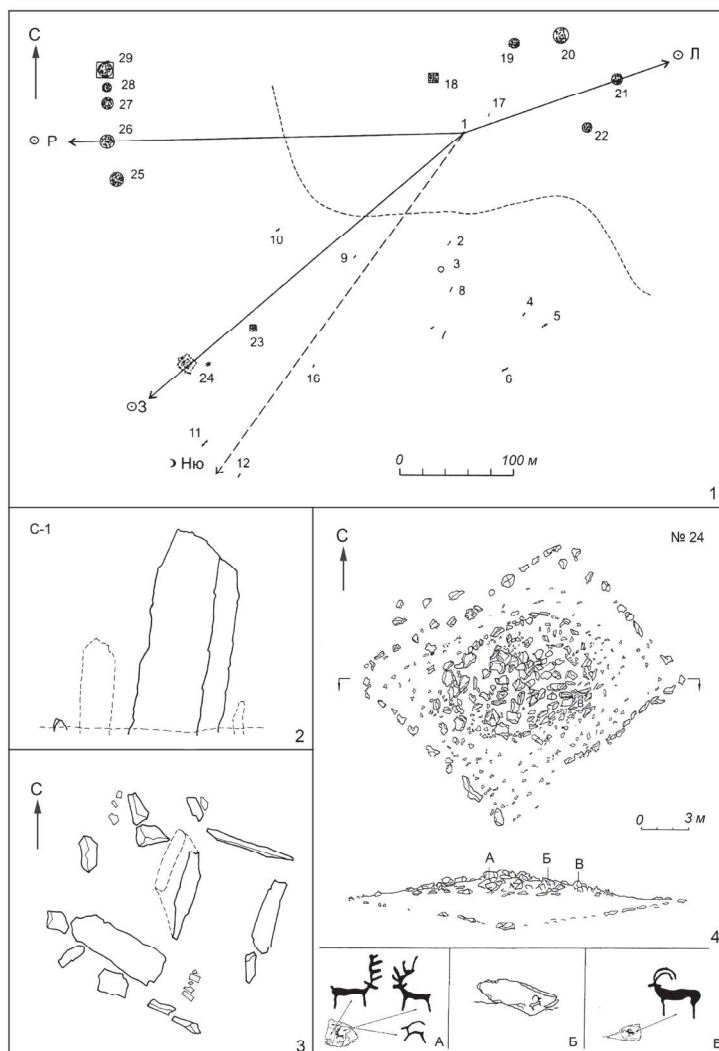

Рис. 2. Святилище Туру-Алты: 1 – общий план комплекса объектов с наложенными значимыми астрономическими направлениями от стелы № 1. Условные обозначения: Л – восход солнца в день летнего солнцестояния (через выкладку № 21); Р – заход солнца в дни равноденствий (через курган № 26); 3 – заход солнца в день зимнего солнцестояния (через курган № 24)]; 2–3 – вид стелы № 1 (2) и план выкладки вокруг неё (3); 4 – план кургана № 24 и петроглифы на камнях в насыпи этого кургана (А-В)

Fig. 2. Sanctuary of Turu-Alta: 1 – general plan of the complex of objects with superimposed significant astronomical directions from stele No. 1. Symbols: L – sunrise on the day of the summer solstice (through calculation No. 21); P – entry the sun on the days of the equinoxes (through mound No. 26); 3 – sunset on the day of the winter solstice (through mound No. 24)]; 2–3 – view of stele No. 1 (2) and layout plan around it (3); 4 – plan of mound No. 24 and petroglyphs on stones in the mound of this mound (A-B)

Вторая группа расположена в юго-западном углу урочища и состоит из небольшого квадратного кургана (№23) и округлого кургана с подпрямоугольной оградой (№24). Третья группа курганов, находящаяся на южном склоне горы, в северо-восточной части урочища, состоит не менее чем из пяти курганов округлой и прямоугольной формы, размерами от 7 до 11 м, высотой до 0,9 м (№18–22). В центре кургана №19 прослеживается прямоугольный ящик из вертикальных плит.

Центральная подовальная насыпь кургана №24 имеет размеры 9 x 12 м, а стороны внешней подпрямоугольной ограды равны 13 и 16 м. Ограда не боковыми сторонами, а углами ориентирована по сторонам света (рис. 2.-4). К западному углу кургана примыкают две или три выкладки из камней. На камнях центральной насыпи кургана отмечены наскальные изображения в виде фигур стоящих горных козлов и оленей (рис. 2.-4-А-В). Изображения животных выбиты на разных плоскостях камней и обращены головами влево. Вероятно, рисунки относятся к разным хронологическим периодам. Не исключено, что фигурки оленей с высоко поднятыми вверх рогами, короткой мордой, небольшим ухом, вытянутым туловищем, с двумя прямыми ногами относятся к IX–VIII вв. до н. э. (рис. 2.-4-А). Рисунок козла с двумя высоко поднятыми вверх «древовидными» рогами, удлиненным туловом с подтянутым животом, с хорошо проработанными прямыми ногами, вероятно, датируется VIII–VII вв. до н. э. (рис. 2.-4-В). Небольшое по размерам изображение козла с довольно схематичным туловом, двумя ногами, с очень длинным рогом, расположенным вдоль спины, напоминает древнетюркскую тамгу (рис. 2.-4-А, низ).

В святилище Туру-Алты зафиксировано 29 стел, в большинстве случаев стоящих в подпрямоугольных оградках из небольших каменных плит (табл.). Число вертикальных стел внутри оградок в Туру-Алты варьирует от 1 до 4 (оградок с четырьмя стелами — 3 шт.; оградки с двумя стелами — 4 шт., оградки с одной стелой — 9 шт.). Большинство стел обломано в верхней части. Сохранившиеся стелы имели высоту 1,9–2,13 или 0,95 м, близкую к прямой или косой саженим или их половинам, т. е. размерам, использованным при разметке между объектами на этом и на других святилищах [Марсадобов, 2003, 2007].

«Акустические эффекты» на святилищах

В 1992 г. в урочище Туру-Алты на Юго-Восточном Алтае В.Д. Кубаревым, Э. Якобсоном, Т. Масумото [1993: 64] был отмечен «акустический» эффект. Во время работы СААЭ ГЭ в 1995 г. в урочище Семисарт на Центральном Алтае, на нижнем пункте наблюдений, расположенном на северном склоне горы, автор вдруг услышал голоса участников экспедиции, зарисовывающих объекты на вершине западной горы. Хотя по прямой между этими участками более 200 м, можно было легко переговариваться и подавать сигналы голосом. В Семисарте был зафиксирован близкий «акустический эффект», как и ранее в Туру-Алты. Урочища Семисарт и Туру-Алты объединяют не только близкие топографические условия (небольшие пространства с трёх сторон, кроме южной, окружённые горами), но и сакральные аспекты (наличие разнородных культовых объектов — курганов-храмов, выкладок, стел, разметочных камней, наскальных рисунков и т. д.).

Эти святилища функционировали в близкое время, но в разных районах Алтая. Если в Туру-Алты ранее не было точно установлено, для каких именно целей могли использоваться акустические возможности местности, то в Семисарте голосом или условными знаками «астронаблюдатели» могли предупреждать друг друга о моменте восхода или захода солнца в астрономически важные дни, когда, например, фиксация места первого или последнего солнечного луча над горизонтом решается в течение нескольких мгновений или секунд [Марсадолов, 2001]. Вероятно, и на святилище Туру-Алты звуковые команды могли использоваться для подобных целей, как во время ритуальных действий, так и при сложной предварительной планиграфической и астрономической разметки разных типов объектов. Большое количество разнообразных объектов в Туру-Алты и Семисарте позволяет судить о наличии близких систем, связанных с наблюдательными астропунктами и курганами.

С трёх сторон замкнутое пространство, окружённое горными склонами, являлось своеобразным «амфитеатром» для обрядовой и познавательной деятельности древних жрецов и кочевников Алтая, их соседей из близких и удалённых регионов.

Основные объекты на святилище Туру-Алты, Юго-Восточный Алтай The main objects at the sanctuary of Turu-Alta, South-Eastern Altai

Номер п/п, этап пути	Номер объекта на плане	Тип объекта	Размеры оградки СЮ-ЗВ	Кол-во стел	Максимальная высота стел/ы	Ориентировка	Функциональное назначение объекта	Сохранность
1	11	С — О*	3,6 × 1,15	4	0,95	20°	Ю-З Врата (Вход)	
2	12	С — О	1,4×0,8	1	0,95	25°		
3	24	КООН	18,5 × 20,5	-	-	-	Начало **Р — заход	
4	16	С	—	1	1,5		Линия — Р	Обломана
5	6	С — О	5 × 1,2	4	2	55°	Р — восход	Обломана
6	5	С — О	3,3×1	4	1,5	50°	Врата Р — восход	Рис.
7	4	С — О	1,5×1,4	1	1,5	30°		Целая
8	7	С — О	1,5×1	1	1,3	68°	Линия — Р	Обломана
9	23	КН		-	-	-	Р — заход	
10	8	С — О	1,7×0,7	2	1,45	25°	Врата, Р — восход	Рис. 4: 2
11	3	выкла-дка						
12	9	С — О	1,4×1,2	1	1,55	30°	Р — заход	
13	10	С		2	2,13	60°	Р — заход	Обломаны
14	2	С — О	1×0,85	2	1,1	50°	Р — восход	Обломаны
15	1	С — О	2×1,5	2	1,9	8°	Остановка перед Алтарём	1 обломана
16	17	С	—	1	1,7			Обломана
17	Путь к Алтарной части скального выступа с рисунками оленей и охоты + обряды							

Оградки с 4-мя стелами — 3 шт.; оградки с 2-мя стелами — 4 шт., оградки с 1-й стелой — 9 шт.

Номер на плане	Тип объекта*	Размеры СЮ-ЗВ (в м)	Высота (в м)	Наличие каменного ящика	Особенности
18	КН	8 x 7	0,50	-	
19	ОН+КЯ	9 x 9	0,40	+	
20	ОН	10,5 x 9,7	0,70	-	
21	ОН	10 x 10	0,90	-	северный объект на СВ
22	ОН	8 x 7	0,60	-	
23	КН	6,2 x 6,5	0,20	-	
24	КООН (рис. 52: 4)	18,5 x 20,5	1,00	-	южный объект на ЮЗ, равноденствие — С-16-6
24А	КЯ	1,5 x 2,5	0,40	+	
25	ОН	11 x 11,5	0,70	-	
26	ОН	10 x 10	0,80	-	равноденствие — С-1
27	ОН	10 x 10	0,6	-	луна низкая, сев. — С-8
28	ОН	8,5 x 8,5	0,6	-	
29	КООН	16 x 15,5	1,2	-	северный объект на СЗ

Сокращения: * С — стела, О — оградка; КООН — с квадратной оградой и округлой насыпью в центре, КН — с квадратной насыпью, ОН — округлый, с насыпью из плоских камней или из валунов, КЯ — каменный ящик; ** Р — линия равноденствия солнца.

Планиграфия и метрология объектов

Большое число взаимосвязанных объектов в Туру-Алты позволяет судить о наличии общей планиграфической системы. Как и на реке Юстыд, в Туру-Алты обычно три-четыре объекта взаимосвязаны между собой по принципу равностороннего и равнобедренного треугольников, параллелограмма и трапеции. Размеры одной или двух разных сторон треугольника обычно служили основой для дальнейшей разметки (рис. 1.-2). В ходе исследований СААЭ ГЭ в Туру-Алты были выявлены нижеследующие примеры связей между объектами (рис. 1-5):

1. Большой курган округлой формы на склоне горы (символ Неба) + четыре вертикальные стелы в подпрямоугольной оградке у подножия горы + небольшой квадратный курган в долине (Земля). Возможно, стелы служили своеобразным связующим «звеном» между «высоким Небом», что соответствовало верхней части стелы, и «низкой Землей», ассоциируемой с нижней частью стелы, вкопанной в землю и окруженной подпрямоугольной оградкой.

2. Три взаимосвязанных между собой кургана (круглый + квадратный + круглый в квадратной оградке) и т. д.

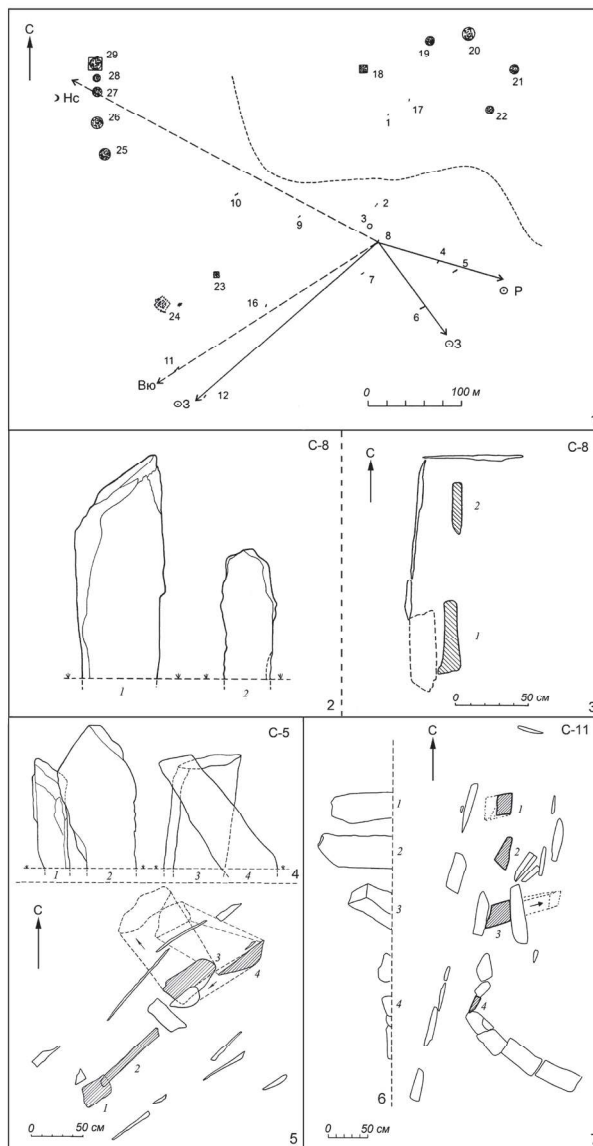

Рис. 3. Святилище Туру-Алты: 1 – план комплекса объектов с наложенными значимыми астрономическими направлениями от стелы № 8. Условные обозначения: P – восход солнца в дни равноденствий (через 4 стелы № 5); 3 – восход солнца в день зимнего солнцестояния (через стелу № 6); Hc – заход низкой северной луны (через курган № 27); Bю – заход высокой южной луны (через 4 стелы № 11); заход солнца в день зимнего солнцестояния (через стелу № 12)]; 2–3 – вид на две стелы № 8 (2) и план окружающей оградки (3); 4–5 – вид на 4 стелы № 5 (4) и план окружающей оградки (5); 6–7 – вид сбоку на 4 стелы № 11 (6) и план оградки с выкладкой «полулунной» формы (7). Следует отметить, что стелы № 11 и «полулунная» выкладка находятся на линии захода высокой южной луны (Bю)

Fig. 3. Turu-Alty sanctuary: 1 – plan of a complex of objects with superimposed significant astronomical directions from stele No. 8. Symbols: R – sunrise on the days of the equinoxes (through 4 steles No. 5); 3 – sunrise on the day of the winter solstice (through stele No. 6); Hs – the setting of the low northern moon (through mound No. 27); Vu – sunset of the high southern moon (through 4 steles No. 11); sunset on the day of the winter solstice (through stele No. 12)]; 2–3 – view of 2 stelae No. 8 (2) and plan of the surrounding enclosure (3); 4–5 – view of 4 steles No. 5 (4) and plan of the surrounding enclosure (5); 6–7 – side view of 4 stelae No. 11 (6) and the plan of the enclosure with the layout of the «half moon» shape (7); it should be noted that stelae No. 11 and the «half-moon» layout are on the line of setting of the high southern moon (Vu)

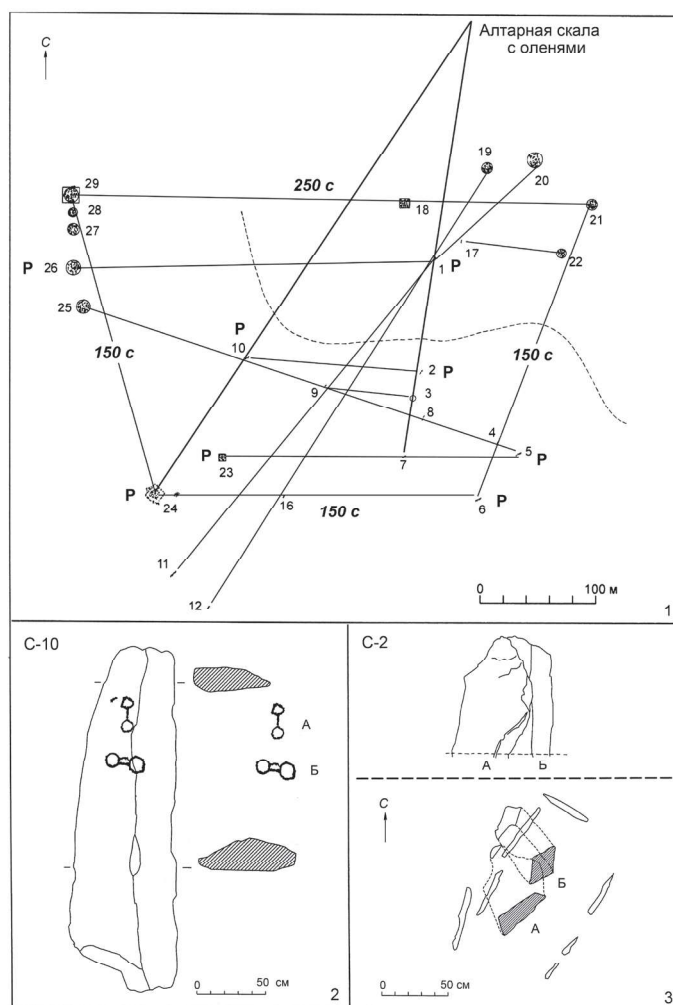

Рис. 4. Святилище Туру-Алты: 1 – план комплекса объектов с линиями, проходящими через ряд объектов и по линиям, ориентированным на «Алтарную» скалу с рисунками оленей (№ 7–3–2–1 – Алтарь, 24–10 – Алтарь, 5–19 – Алтарь), а также наложенными значимыми

астронаправлениями на восход и заход солнца в дни равноденствий – P (через стелы: № 1–26, 2–10, 3–9, 5–7–23, 6–16–24 и др.); 2 – стела № 10 с выбитыми знаками (А и Б); 3 – вид на 2 стоящие стелы № 2 (А и Б) и план окружающей оградки

Fig. 4. Turu-Alty sanctuary: 1 – plan of a complex of objects with lines passing through a number of objects and along lines oriented to the «Altar» rock with drawings of deer (No. 7–3–2–1 – Altar, 24–10 – Altar, 5–19 – Altar), as well as superimposed significant astrodirections on sunrise and sunset on the days of the equinoxes – P (through the stelae: Nos. 1–26, 2–10, 3–9, 5–7–23, 6–16–24, etc.); 2 – stela No. 10 with embossed signs (A and B); 3 – view of 2 standing stelae No. 2 (A and B) and plan of the surrounding enclosure

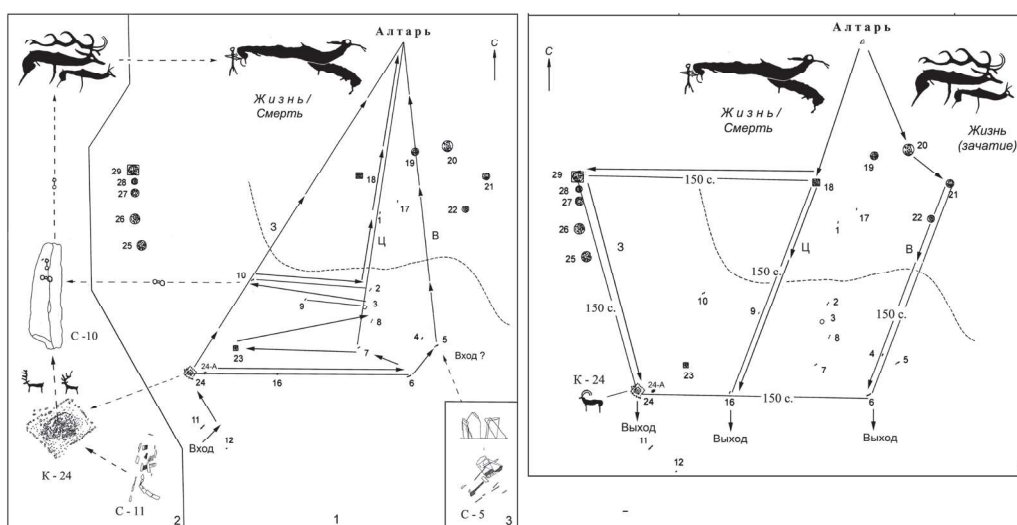

Рис. 5. Святилище Туру-Алты: 1 и 4 – планы-реконструкции путей входа (1) и выхода (4) при осмотре ритуального комплекса и «Алтарной» скалы с рисунками оленей по ориентированным линиям, проходящим через ряд объектов (Ц – центральный путь к Алтарю и обратно, В – восточный и З – западный пути); 2 – прорисовки объектов по линиям 11–24–10 – Алтарь; 3 – стелы объекта № 5. По материалам экспедиции Л. С. Марсадолова

Fig. 5. Sanctuary of Turu-Alta: 1 and 4 – plans-reconstruction of the entrance (1) and exit (4) when examining the ritual complex and the «Altar» rock with drawings of deer along oriented lines passing through a number of objects (C – the central path to the Altar and back, E – eastern and W – western paths); 2 – drawing objects along lines 11–24–10 – Altar; 3 – steles of object No. 5. According to the materials of the expedition L. S. Marsadolov

При разметке расстояний между объектами использовался модуль, равный 1,8 м — одной прямой сажени. Выявлены нижеследующие числовые закономерности при разметке: 250–200–175–160–150–130–120–100–80–50–40–33–25–20–10 и менее сажени. Для больших расстояний чаще использовались размеры, кратные 100, 50 или 25 сажени, а для малых — от 5 до 20 сажени. Ряд объектов размечен под прямым углом, со сторо-

нами в 200 или 100 саженей. Многие объекты сооружены с использованием принципа равнобедренного треугольника со сторонами по 100, 130 и 150 саженей (рис. 1.-2 и 4.-1).

Например, по принципу трапеции построена фигура с одним основанием и двумя диагоналями по 250 саженей, а также с двумя боковыми сторонами и другим основанием по 150 саженей (рис. 1.-2 и 4.-1). В каждом из четырех углов трапеции находятся разные объекты: круглый курган № 21, круглый курган с квадратной оградой № 29, квадратный курган № 24 и стела № 6. На месте пересечения диагоналей была установлена стела № 9. Использование части «старых» и «новых» объектов позволяло получить дополнительные фигуры. Через стелу № 9 была проведена прямая, параллельная линии расположения № 6 и 21 (рис. 1.-2 и 5.-4). Таким образом, построен параллелограмм со сторонами 90 и 150 саженей (рис. 1.-2), а также получена малая трапеция, углы которой составляют старые и новые объекты (№ 16, 18, 24, 29).

Не менее 4–5 линий размещения стел, находящихся у подножия горы, «веерообразно» сходились в одной точке — у одной из самых больших стел № 1 на невысоком горном склоне (рис. 4–5). Центральная линия из стел указывала на вершину горы, где находился своеобразный «Алтарь» — большая гладкая вертикальная каменная плоскость с изображениями устремлённых в небо огромных оленей «раннескифского» облика (рис. 6) [Кубарев, 1979; Марсадалов, 2003, 2007; Мартынов и др., 2019].

Каменные стелы и астрономия на святилище Туру-Алты

Точки восходов и заходов солнца и луны в астрономически значимые дни на этом святилище неоднократно фиксировались в древности, что нашло своё отражение в сложной системе разметки объектов (рис. 1–5). Из центра ряда объектов были зарисованы круговые панорамы для последующих палеоастрономических расчетов, детально фиксировались каменные выкладки, стелы и петроглифы [Марсадалов, 2003, 2007].

В Туру-Алты, как и на Юстыде, наиболее значимыми астрономическими направлениями были точки восходов и заходов солнца в дни равноденствий и солнцестояний (рис. 2–4). Из предварительных выводов следует отметить, что если от расположенной выше остальных каменной стелы № 1 прослеживаются два направления на заход и одно направление на восход солнца, то от стелы № 8, наоборот, наибольшее число основных направлений связано с восходом солнца, а не с его заходом (рис. 2.-1 и 3.-1). В дни, близкие к весеннему и осеннему равноденствию, при наблюдении от стелы № 1 солнце восходило и заходило в точки схода высоких северных склонов горы и низких далёких отрогов южных гор, что свидетельствует о специальном выборе места для стелы № 1 на горном склоне.

Интересно отметить, что совсем иная картина прослеживается от стелы № 8 (рис. 3.-1), расположенной в центре урочища, значительно ниже стелы № 1. При наблюдении от стелы № 8 в дни равноденствия солнце восходило над вершиной ближайшей восточной горы, а заходило за далёкими небольшими горами на западе, в точке схождения нескольких горных склонов. Точка восхода солнца в дни летнего солнцестояния, наблюдаемая от стелы № 1, близка к точке восхода солнца в дни равноденствия от стелы № 8, а точка захода солнца в дни летнего солнцестояния от стелы № 8 близка к точке захода солнца в дни равноденствия от стелы № 1, что также свидетельствует о специальном выборе места и для стелы № 8.

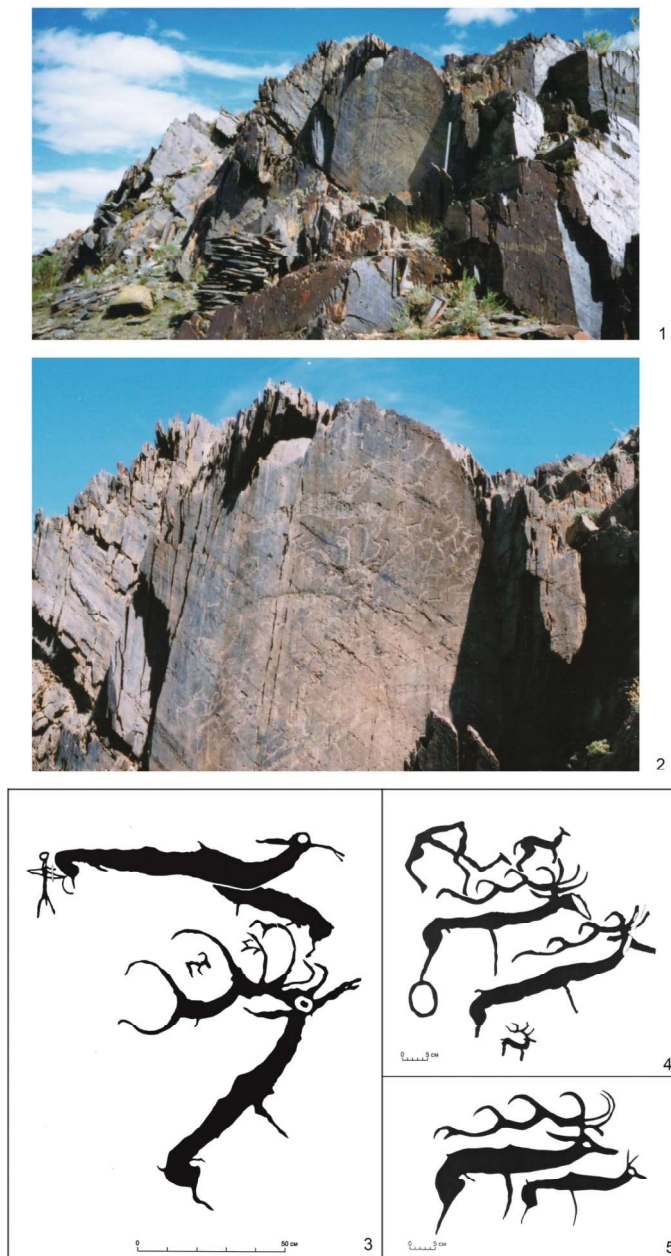

Рис. 6. Туру-Алты: 1–2 – фотографии «Алтарной» скалы на вершине горы;
3–5 – прорисовки наскальных изображений на «Алтарной» скале.

По материалам экспедиции Л. С. Марсадолова

Fig. 6. Turu-Alty: 1–2 – photographs of the «Altar» rock on the top of the mountain;
3–5 – drawings of petroglyphs on the «Altar» rock. According to the materials of the expedition
L. S. Marsadolov

Линия от каменной стелы № 1, уходящая вниз по склону горы между стелами № 11 и 12, указывает на заход низкой южной луны (рис. 2.-1). Линия от стелы № 8, проходящая через стелу № 11, расположенную на относительно ровном горном склоне, наоборот, указывает на заход высокой южной луны (рис. 3.-1). Вероятно, не случайно на центральных камнях «Б и В» кургана № 24 выбиты изображения козлов (рис. 2.-4).

При наблюдении от стелы № 1 уходящая вниз на юго-запад линия через курган № 24 (рис. 2.-1) связана с заходом солнца в день зимнего солнцестояния и, соответственно, с созвездием Козерога. Такая же планиграфическая закономерность при расположении образа козла/Козерога на юго-западной стороне прослежена как на усть-бухтарминском зеркале на Западном Алтае [Марсадолов, 1999], так и на келермесском зеркале на Кубани.

На астролинии, соответствующей дням весеннего и осеннего равноденствия солнца, проходящей через стелы № 6–16 и курган № 24, на камне «А» выбиты изображения двух оленей (рис. 2.-4-А). Вероятно, появление небольших оленей на этом камне не случайно, так как линия от кургана № 24, через стелу № 10 (со знаками равноденствия восток — запад и направлением север — юг) указывает на «Алтарную» скалу с крупными рисунками оленей (рис. 5.-1-2). Особо стоит выделить значимые астронаправления по линиям восхода и захода солнца в дни равноденствий (P) — через стелы № 1–26, 2–10, 3–9, 5–7–23, 6–16–24 и др. (рис. 4.-1).

Длинные стороны каменных оградок и скос на верхней части стел указывали на дальнейшее направление сакрального пути — к Алтарю на вершине горы (рис. 2-4).

Направление сакральных путей в Туру-Алты

«Вход» для участников обрядов от подножья горы до «Алтаря» с оленями на вершине на святилище Туру-Алты мог осуществляться по 4-м основным путям, образующим устремлённый вверх, к Небу «треугольник» (рис. 4.-1 и 5.-1): 1) *центральным* (Ц-1) — через объекты № 12–16–1 — «Алтарь» или 2) *центральным, «зигзагообразным»* (Ц-2) — через объекты № 7–23–8–3–10–2–1 — «Алтарь», а также двумя дополнительными направлениями: 3) *восточным* (В), на восход солнца — через № 5–19 — «Алтарь» или 4) *западным* длинным путём (З), на заход солнца — через № 11–24–10 — «Алтарь». При этом центральный «зигзагообразный» путь был самым насыщенным разными по виду объектами.

В связи с ограниченной площадкой на вершине горы (размерами 8 x 19 м) и постоянно прибывающими новыми участниками во время обрядовых действий, «выход» вниз от «Алтаря», вероятно, мог проводиться тремя другими основными путями (рис. 5.-4): *центральным* (Ц), коротким — через объекты № № 18–9–16, а также двумя дополнительными направлениями по горным склонам, вдоль курганов-керексуров: *восточным* (В) — через № 20–21–22–4–6 или *западным* длинным путём (З) — через № 18–29–28–27–26–25–24. Основные пути к «выходу» на склоне горы образуют фигуру в виде большой «трапеции» (рис. 5.-4), со сторонами по 150 саженьей = ок. 270 м (1 с. = 1, 8 м).

Следует отметить, что для организованного осмотра этого святилища из находящихся там разных типов объектов были «созданы специальные направляющие линии», ориентированные, как для «входа» и подъема вверх к «Алтарной» скальной площадке, так и для «выхода»/спуска от «Алтаря» вниз с горы (рис. 5), чтобы не было пе-

ресекающихся потоков и были места сбора и проведения обрядов при большом числе участников.

Нашли своё объяснение и два знака в виде двух кругов, соединенных посередине одной или двумя линиями на стеле № 10 (рис. 4.-2) [Марсадолов, 2007: рис. 65]. Верхний вертикально расположенный знак с одной линией указывал на направление север — юг, на вершину горы с оленями, а нижний знак с 2-мя горизонтальными линиями — на направление восток — запад, между стелами 10 и 2, по линии весеннего и осеннего равноденствия солнца (рис. 5.-2).

Близкие по форме и семантическому значению знаки известны на Вратах в Салбыке, на плитах Большого Салбыкского кургана (БСК) в Хакасии и в Семисарте на Алтае. В БСК точка захода солнца в дни равноденствий на стеле № 46 западной стены ограды была помечена выбитым специальным знаком ==, близким к современному знаку «равно» [Марсадолов, 2021]. У этого знака верхняя линия длиннее нижней, что, вероятно, также не случайно, ибо верхняя черта могла свидетельствовать о том, что солнце будет подниматься вверх к северу, будет расти продолжительность дня, а короткая нижняя линия — солнце будет опускаться всё ниже к югу, а продолжительность дня будет уменьшаться.

Две вертикальные плиты Врат в Салбыкской долине напоминают на местности и на плане не только камни входа БСК, но и знак «равно» состоящий из двух линий (==), высеченный на стеле № 46 западной стены ограды БСК, находящейся в точке захода солнца в дни равноденствия, а также положение и ориентацию двух человек около дромоса-входа в погребальную камеру кургана. Близкий вариант обозначения линии равноденствия отмечен ранее и в кургане № 4 в Семисарте — одна большая лунка в точке восхода солнца и две малые лунки в месте захода солнца [Марсадолов, 2001]. Не исключено, что такие объекты, как Салбыкские Врата, использовались в древности не только как чётко обозначенное место для инструментальных астрономических наблюдений, но также для встречи восхода Солнца и Нового года в день весеннего равноденствия.

Сложность расположения различных пунктов на святилище Туру-Алты на Юго-Восточном Алтае свидетельствует о большой сумме планиграфических, метрологических и астрономических знаний, вложенных в разметку и сооружение разных типов объектов.

Алтарный комплекс на вершине горы

Центральная линия из стел была ориентирована на вершину горы (рис. 5.-1), где находился своеобразный «Алтарь» — большая гладкая вертикальная каменная скальная плита с изображениями устремленных в небо огромных оленей раннескифского облика [Кубарев, 1979: 31–33, 109–113; Марсадолов, 2007]. На этой плите, размером 2 x 2 м, выбито около 100 изображений, в основном копытных животных — оленей, козлов, коней, верблюдов, а также лучников со стрелами (см. рис. 6).

Центральным образом на скальном выступе является крупное изображение оленя с большими ветвистыми рогами, вытянутой вперед тонкой мордой, длинным ухом, остроугольной холкой, длинным туловищем с подтянутым животом, двумя тонкими ногами (рис. 6.-3). Выше него в близкой стилистической манере выбита фигура оленя

без рогов, с короткими ногами. Вокруг них изображено еще около десяти оленей, значительно меньших по размерам, близких по стилю к «оленным» камням Центральной Азии IX–VIII вв. до н. э. На этой плите много рисунков, относящихся и к другим хронологическим периодам.

Размер изобразительного образа, вероятно, задавался заранее. Так, например, длина каждого из трех самых больших оленей на этой каменной плоскости, от кончика носа до хвоста, равна 90 см, или половине одной прямой сажени в 180 см (рис. 6.-3). Такой размер служил своеобразным модулем для разметки не только маленьких, но и крупных объектов, в том числе курганов, стел, а также расстояний между ними (рис. 1.-2 и 4.-1).

Вероятно, эта скала с изображениями оленей на южной грани камня, с обращенными на восток головами, на восход солнца, расположенная в самой высокой точке урочища Туру-Алты, являлась центром ритуального комплекса. Каменные стелы, установленные далеко от подножия горы, постепенно из нижней точки подводили участников ритуалов к высшей точке с изображениями животных на вершине горы. Рядом с «Алтарной» скалой на вершине горы находятся этнографические и современные выкладки, вертикальные накладки из плиток и обо (рис. 6.-1).

Образ оленя в древности часто ассоциировался с Солнцем, поэтому нахождение самых больших фигур оленей в верхней части горы Туру-Алты, на южной плоскости Алтаря, позволяет предполагать связь этого святилища с Небом и Солнцем. Следует отметить, что ежедневно полуденное солнце достигает своей высшей точки в южной части небосвода, птицы прилетают с юга, и этот аспект также подчеркнут образами устремленных вверх крупных оленей, с вытянутой вперед передней частью головы, напоминающей клюв птицы.

Рядом с «алтарной» плитой имеются другие камни меньших размеров, на одном из которых выбит крупный рисунок стоящего копытного животного без рогов, а также разновременные сцены охоты на оленей — всадника и лучника с собакой (рис. 7.-1–3).

Культовые объекты, близкие по семантике к Туру-Алты

В 1997 г. Саяно-Алтайской экспедицией Гос. Эрмитажа на Западном Алтае около поселка Майемер (ранее называвшимся Майэмир и давшим название археологической культуре), на местонахождении Майемер-2 были изучены новые петроглифы. Наскальные рисунки встречаются у подножия горы и затем с небольшими интервалами отмечены до вершины горы. У подножия южного склона горы, на небольшом скальном выходе, выбиты два изображения животных с загнутыми вперед рогами.

На высоте около 100 м от подножия горы на небольшом камне изображен олень с подквадратным туловом и высоко поднятым вверх «древовидным» рогом с 8 *отростками* [Марсаолов, Самашев, 2000: рис. 33: 3]. Недалеко от него находятся ещё два рисунка — козла и оленя, с головами, обращенными в разные стороны (рис. 8.-4). Оба эти рисунка выполнены в раннескифском стиле — с выделенными холкой и копытцами на ногах. Олень имеет высоко поднятый вверх рог, с отходящими вправо и влево 9 *отростками*.

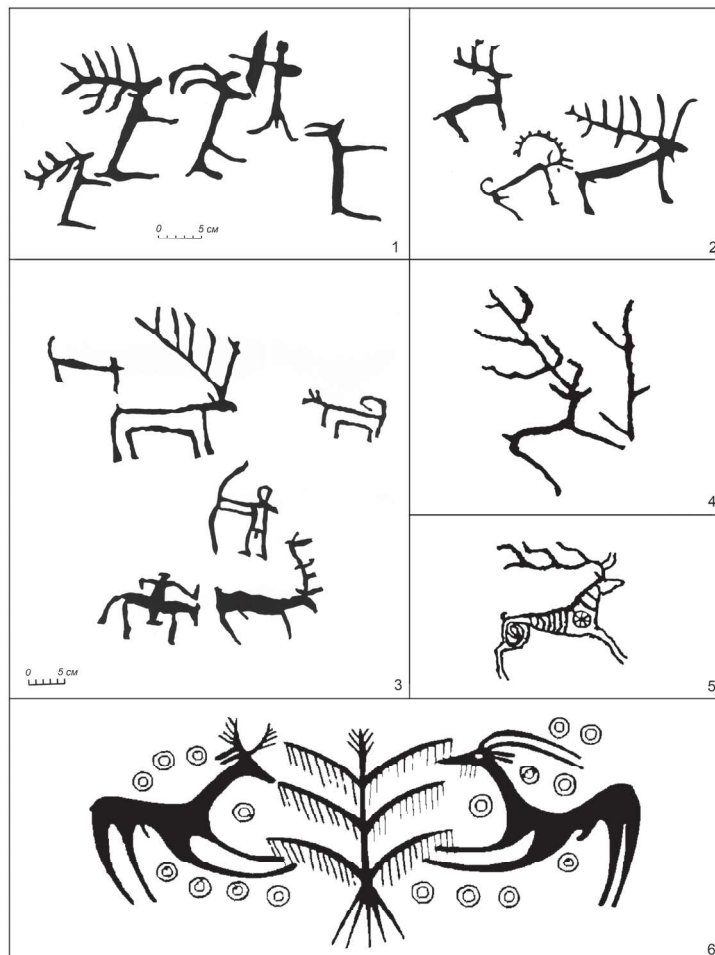

Рис. 7. Прорисовки композиций и отдельных изображений с образами оленей, козлов, сцен охоты, копытных животных с «древовидными рогами», стоящий у «дерева» и их аналогии из разных регионов Евразии: 1–3 – Туру-Алты, Юго-Западный Алтай (петроглифы на «алтарной плоскости» на вершине горы и рядом с ними); 4 – Туру-Алты-2 (Барбургазы, петроглиф); 5 – Оглахты, Хакасия (петроглиф); 6 – Гордион, Турция (рисунок на сосуде).

По материалам экспедиций Л. С. Марсадолова (1–4) и О. С. Советовой (5)

Fig. 7. Drawings of compositions and individual images with images of deer, goats, hunting scenes, ungulates with «tree-like horns», standing at the «tree» and their analogies from different regions of Eurasia: 1–3 – Turu-Alty, South-West Altai (petroglyphs on the «altar plane» on the top of the mountain and next to them); 4 – Turu-Alty-2 (Barburgazy, petroglyph); 5 – Oglakhty, Khakassia (petroglyph); 6 – Gordion, Turkey (drawing on the vessel). Based on the materials of the expeditions of L. S. Marsadolov (1–4) and O. S. Soviet (5)

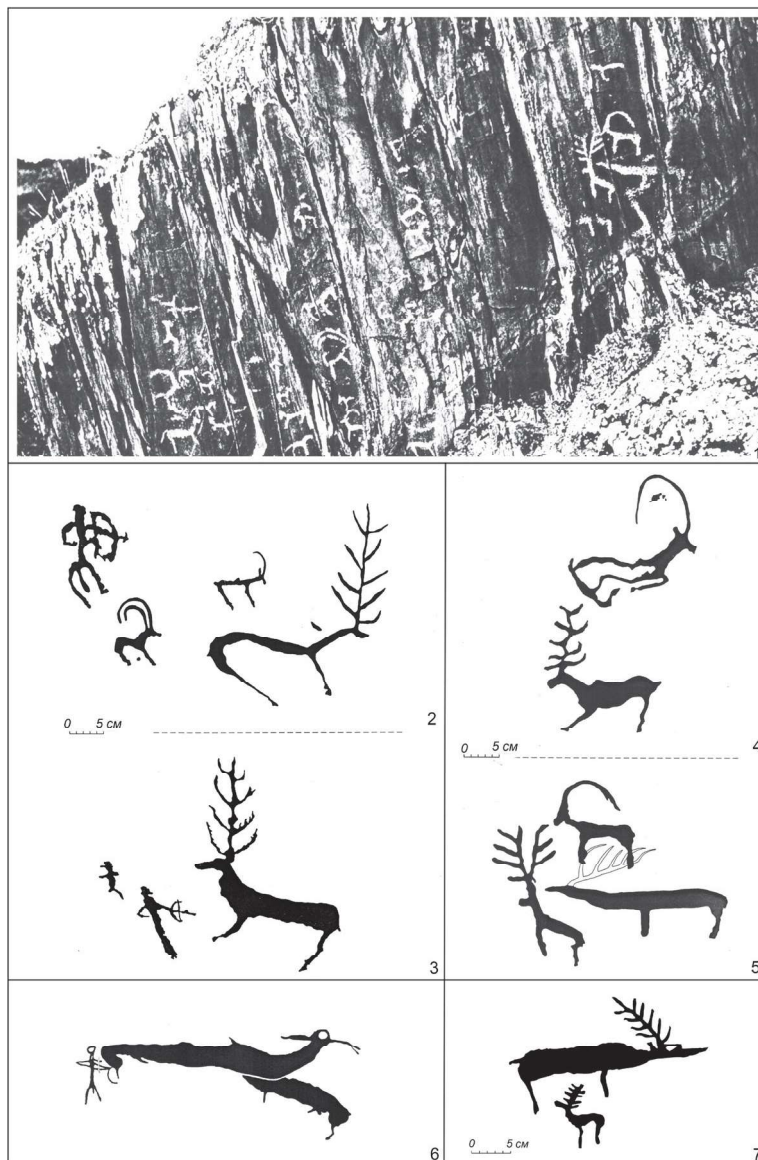

Рис. 8. Наскальные рисунки из местонахождений Майэмер-2/Майэмир, Западный Алтай (1–5; 1 – скальная плоскость с петроглифами) и Туру-Алты, Ю-В Алтай (6–7); 2–3, 6 – сцены охоты на оленя и козла; 2–5, 7 – олени с «древовидными» рогами.

По материалам экспедиций Л. С. Марсадолова

Fig. 8. Rock paintings from Mayemer-2/Maiemir, Western Altai (1–5; 1 – rocky plane with petroglyphs) and Turu-Alty, SE Altai (6–7); 2–3, 6 – scenes of deer and goat hunting; 2–5, 7 – deer with «tree-like» horns. Based on the materials of the expeditions of L. S. Marsadolov

На расположенном выше скальном выходе изображён олень с высоким «древовидным» рогом, с 10 отходящими отростками, тонкими длинными шейей и туловом, тонкими ногами с выделенными копытцами (рис. 8.-2). Немного выше этого оленя выбито маленькое схематичное изображение козла. На соседней плоскости этого же скального выхода изображён стоящий человек, держащий в руках натянутый лук со стрелой (рис. 8.-2). Такое же изображение лучника, стреляющего в оленя с красивым «древовидным» рогом, с 9 отростками (рис. 8.-3), но более крупное по размерам и тщательно выбитое, было найдено и на соседней горе. Следует отметить, что по мере подъёма на гору у выбитых оленей постепенно увеличивается число отростков на рогах — от 8 до 10.

Наскальные изображения животных на склоне горы последовательно от одного к другому подводят к главному культовому месту на северном склоне вершины горы — к центральной части скалы с «большой композицией» из нескольких десятков разновременных рисунков (рис. 8.-1). Вероятно, большие размеры гладкой скальной плоскости и удобный путь подхода к ней способствовали выбору места для нанесения изображений. Длина скальной плоскости с рисунками — 3,7 м, а высота — также 3,7 м = 2 x 2 прямых сажений/кулаша по 1,85 м. В наиболее высокой части плоскости выбито изображение оленя с длинным туловом, вытянутой почти прямой шейей, заостренной мордой, толстыми короткими ногами (рис. 8.-5).

К голове оленя присоединены рога с 5 длинными отростками, выполненные в другой технике — тонкой процарапанной контурной линией. Это один из самых больших по размерам и самых ранних по времени рисунков на скале. Рядом с ним в другом стиле изображены стоящие олень с «древовидными» рогами с 9 отростками и горный козел с длинным рогом (рис. 8.-5). Эта композиция стилистически близка к петроглифам из Туру-Алты, особенно рисунки оленей с длинным массивным туловом и двумя короткими ногами (рис. 8.-7). Наличие близких по стилю изображений оленей и сцен охоты, вероятно, свидетельствует о культурных контактах двух удалённых районов Западного и Юго-Восточного Алтая или о передвижении артели мастеров по камню. Рассмотренные нами рисунки животных на петроглифах из Майэмира и Туру-Алты выбивались в разное время, разными мастерами, в разных стилистических манерах, но всё же хронологически и семантически они близки между собой, и дата большинства из них не выходит за пределы первой половины I тыс. до н. э.

Образы оленя с «древовидным» рогом или оленя, стоящего перед «древом», были широко распространены на территории Евразии в X–VII вв. до н. э. При приближении к святилищу Туру-Алты на скальных выходах с восточной стороны, на расстоянии до 0,5 км, расположено несколько групп петроглифов, в основном выбитых в раннескифское время [Кубарев, Якобсон, Масумото, 1993; Марсадалов, 2007], а также довольно редко встречаемое изображение стоящего у древа оленя с «древовидным» рогом (рис. 7.-4). Композиция на сосуде из Гордиона в Анатолии (Турция) (см. рис. 7.-6), с изображением оленя и козла, стоящих перед «древом», и солярными символами вокруг животных («круг с точкой»), помогает осознать сложность отдельных образов. Вероятно, козёл связан с зимним периодом, а олень с «древовидным» рогом — с весенним и летним, что также подтверждается при анализе круговой композиции на бронзовом зеркале из Бухтармы [Марсадалов, 1999]. Как и в Туру-Алты, голова оленя на сосуде

из Гордина направлена на восток (рис. 6.-3-5 и 7.-4, 6). Образы оленя и других животных с соляными знаками на тулове (рис. 7.-5) [Советова, 2005], также имели широкие границы бытования на евразийском пространстве [Техов, 2001].

Сакральные образы «Пути-Дороги» у древних кочевников

В эпоху поздней бронзы и в раннескифское время на территории Центральной Азии в наскальном творчестве были широко распространены сюжеты, отражающие образ «Пути/Дороги» [Волков, 1967; Окладников, Ларичев, 1967; Окладников, Запорожская, 1970; Новгородова, 1989: 250–253; Дэвлет, 2000: 76–83; Марсадоллов, 2000, 2001]. Большинство изображений, вероятно, относятся не к бытовым сценам, а имеют сакральный характер (рис. 9).

На святилище в Семисарте на Алтае, в кургане № 1 (вторая половина VIII — первая половина VII в. до н. э.), погребённый человек был ориентирован «лицом» в зазор между двумя плитами ящика — на «путь», выложенный крупными плитами (рис. 9.-2) и далее — на вершину остроконечной горы на севере, у подножья которой находились два стационарных пункта для астрономических наблюдений, а ещё выше — «алтарь» с рисунками животных, в том числе и оленя [Марсадоллов, 2001].

Этот «Путь» погребённого человека и коня, незаменимого спутника кочевников в повседневной, сакральной и загробной жизни, идущий от кургана № 1 к горе с «алтарём» и стационарными пунктами для астрономических наблюдений, ориентирован с юга на север, в область незаходящих звёзд — в Вечность. Под двумя плитами этой дорожки, в 6,8 м от центра кургана № 1, были расчищены остатки кострища (зольное пятно — 0,4 x 0,6 м, толщиной до 0,15 м), а в 16 м к западу от центра кургана № 1 находится «цепочка» из трёх обломанных вертикальных плит-стел, ориентированных на ту же самую вершину остроконечной горы на севере.

При исследовании курганов и культовых мест в Семисарте были найдены многочисленные костные остатки домашних животных — коней, крупного рогатого скота (коров, яков), овец, коз, собак, а также диких копытных животных — благородного оленя, косули, сибирского козерога, сайги, кабана и хищников — медведя, лисицы-корсака и др. Близкий видовой состав животных отмечен и на петроглифах с образом «Дороги» (рис. 9).

В Семисарте материализована зафиксированная в петроглифах идея сакрального «Пути» с одинаковым набором компонентов — человек + конь + оградка (или ящик, заполненный камнями) + разные животные и т. д. Эта сакральная идея и традиция нашли продолжение в пазырыкской культуре Алтая, где в одной погребальной яме были захоронены человек в южной стороне и конь в северной части.

В изобразительных сценах с образом «Пути» следует выделять три крупных блока, соответствующих «жизни», «смерти» и «жизни после смерти», которые нашли отражение в изображениях выше или ниже «Пути». Человек, конь, колесница с конями, собака, оградка, птица, путь/дорога, соляные и лунные символы являются основными элементами общей композиционной системы на петроглифах с «путями» (рис. 9).

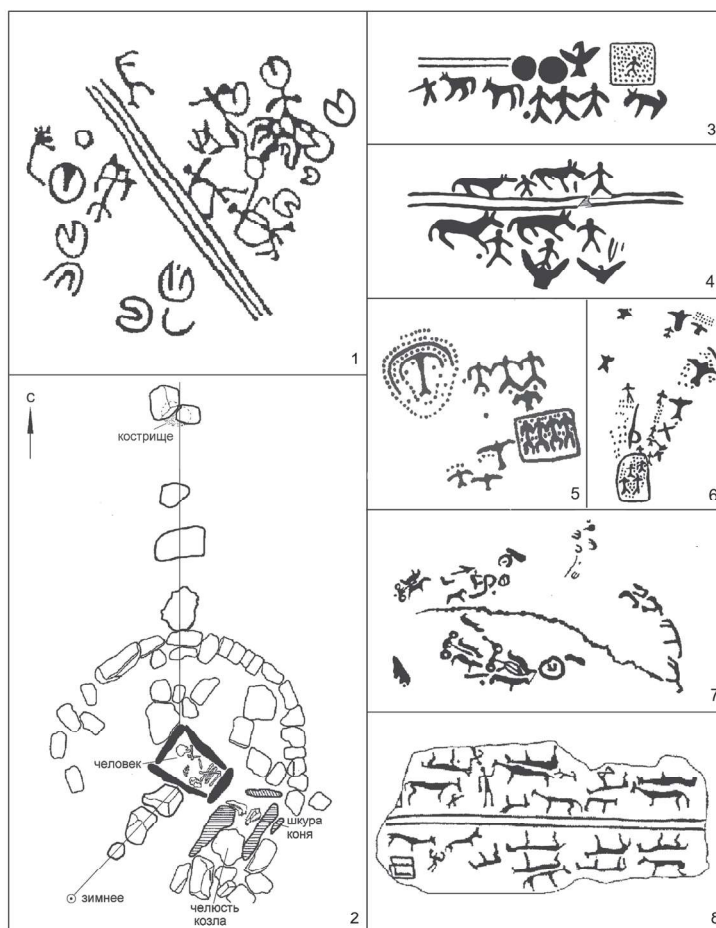

Рис. 9. Образы сакрального «Пути» на археологических памятниках Центральной Азии: 1 – курган № 1 и дорожка из крупных каменных плит по линии С-Ю в Семисарте, Центральный Алтай; 2 – каменный ящик-очаг и «дорожки» С-Ю и З-В на культовом месте в Семисарте. Петроглифы из разных регионов: 3 – Дуд-хулган, Монголия; 4 – Гачуурт, Монголия; 5 – долина реки Тэс, Монголия; 6 – Внутренняя Монголия; 7 – надгробная плита из Шивертын-ам. По материалам Л. С. Марсадолова (1, 2), Э. А. Новгородовой (3, 7), В. В. Волкова (4), А. П. Окладникова (5) и Гай Шаньлина (6)

Fig. 9. Images of the sacred "Way" on the archaeological sites of Central Asia: 1 – mound No. 1 and a path of large stone slabs along the N-S line in Semisart, Central Altai; 2 – a stone hearth box and «paths' N-S and W-E at a cult site in Semisart. Petroglyphs from different regions: 3 – Dud-khulgan, Mongolia; 4 – Gachuurt, Mongolia; 5 – Tes river valley, Mongolia; 6 – Inner Mongolia; 7 – tombstone from Shivertyn-am. Based on the materials of L. S. Marsadolov (1, 2), E. A. Novgorodova (3, 7), V. V. Volkova (4), A. P. Okladnikova (5) and Guy Shanlina (6)

Частичные «модели жизни и смерти» древних кочевников изображены на ряде композиций петроглифов из Монголии. В верхней части одной из таких сцен находятся рисунки пути, большого и малого кругов-дисков (солнца и луны?), рядом птица с поднятыми вверх крыльями и «оградка» с человеком в центре (рис. 9.-3). Ниже дороги изображён человек, ведущий двух коней, три стоящие человеческие фигуры и собака [Новгородова, 1989: 250–253]. На другой композиции в верхней и нижней частях, разделённых дорогой, один человек ведёт за собой жеребца, а другой — кобылу (рис. 9.-4) [Волков, 1967: 144, рис. 11].

На петроглифах из Внутренней Монголии в сюжете с «дорогой» наряду с постоянными образами человека и коня часто встречаются знаки в виде копыта животного (рис. 9.-6). Здесь часть коня как бы заменяет целый образ, но не исключено, что это только внешняя видимость, а глубинная сущность этого явления гораздо сложнее [Окладников, Ларичев, 1967: 179–198; Дэвлет, 2000: 78–79]. На ряде петроглифов ниже «дороги» показана птица, на крыльях которой стоит человек. Около или внутри подпрямоугольных, подквадратных и овальных оградок часто изображали фигуры людей, взявшихся за руки (рис. 9.-5).

В 1988 г. в Монголии, в местности Дэлийн уул, В. В. Волков раскопал оградку размерами 3 х 4,5 м, сооружённую из каменных плит, с высокими угловыми камнями (рис. 10.-1). Могила была ограблена, но на дне были найдены мелкие кости человека, а около восточной стенки — череп лошади. В 10 м к востоку от этой могилы была обнаружена «сторожевая стела» или схематично оформленный «оленный» камень длиной 1,1 м, самый южный в Монголии [Волков, 2002: 101–102, табл. 125]. В верхней части на узкой грани этой стелы выбита серьга, ниже — пояс, а на широкой грани, на уровне пояса — большая фигура в виде треугольника (рис. 10.-11), обращенного вершиной вниз, к земле, что в целом, вероятно, указывает на погребальную функцию находящейся рядом плиточной оградки (рис. 10.-1).

К сожалению, В. В. Волков [2002] в тексте и на таблице не указал направление для ориентации стен оградки, но обычно археологи, согласно принятым у них правилам, стараются свои объекты на планах ориентировать на север. Число вертикальных плит у этой оградки разное: 2 на западе, 3 на восточной, 6 на юге и 7 на севере. На крайней восточной плите изображён стоящий олень с большими ветвистыми рогами, вероятно, связанный с востоком — восходом Солнца, Возрождением к Жизни (рис. 10.-5).

На соседней плите выбиты две более крупные по размерам безрогие самки оленей (?) и четыре птицы, имеющие разные размеры, — две больших и две мелких. Это птицы с крупным туловом, длинной шеей и короткими ногами, напоминающими лебедей. Пары птиц разделяет линия, к которой с одной стороны прикреплены пять «зародышей или яиц?». На оборотной внутренней стороне этой плиты с двумя оленухами расположена самая большая и сложная по числу образов композиция рисунков (рис. 10.-4 и 12). Вероятно, на этих рисунках последовательно изображён ряд сцен — смерть человека и горе по этому поводу (рис. 10.-18), прощание с умершим (рис. 10.-17), его проводы/поминки (рис. 10.-16); сложный переход/трансформация (рис. 10.-15), встреча в ином мире (рис. 10.-14) и «жизнь после смерти» (рис. 10.-13).

Рис. 10. Монголия, Среднегобийский аймаг, местность Дэлийн уул: 1 – план и разрез плиточной могилы; 2–10, 12 – рисунки, выбитые на стенках плит; 11 – «оленный» камень, найденный в 10 м к востоку от этой могилы; 13–18 – семантика сцен (фрагменты общей композиции): 18 – смерть человека (горе); 17 – прощание; 16 – проводы/поминки; 15 – переход / трансформации; 14 – встреча в ином мире; 13 – «жизнь после смерти».

По материалам В. В. Волкова (1–11), составлено Л. С. Марсадоловым (12–18)

Fig. 10. Mongolia, Middle Gobi aimag, Deliin uul area: 1 – plan and section of a slab grave; 2–10, 12 – drawings embossed on the walls of the plates; 11 – «deer» stone, found 10 m east of this grave; 13–18 – semantics of scenes (fragments of the general composition): 18 – death of a person (grief); 17 – farewell; 16 – seeing off / commemoration; 15 – transition / transformations; 14 – meeting in another world; 13 – «life after death.»Based on the materials of V. V. Volkov (1–11), compiled by L. S. Marsadolov (12–18)

На внешних сторонах плит западной (?) стенки оградки были выбиты петроглифы со сценами-продолжениями разных моментов процесса перехода «души от иной жизни к новому рождению» (?) (рис. 10.-2–10). Вероятно, сцены были расположены в последовательности с севера на юг, из небесной Вечности и холода на севере к земной жизни на тёплом юге. От радостного обитания и «полёта душ» на севере, через «одноногого проводника душ умерших», через трех птиц (уток или лебедей?) и «кладку из пяти яиц-зародышей» до держащихся за руки женщины с косами и мужчины на юго-западе (рис. 10. 9–10).

Изобразительные сцены на петроглифах (конец II — начало I тыс. до н. э.) и стенках плиточной могилы из Дэлийн уул (VIII–VII вв. до н. э.) в Монголии близки не только между собой, но и находят материальное продолжение в погребальных и поминальных памятниках VIII–V вв. до н. э. на Алтае. Образ оленя учёные часто связывают с символом Солнца, постоянного возрождения на востоке. Изображения оленей действительно расположены на восточной стороне в ряде важных объектов: на каменной оградке из Монголии (рис. 10.-5); на плитах восточного входа в курган Барсучий лог в Хакасии, где на северной стенке образ оленя передан с подогнутыми ногами, а на южной стенке олень выбит с прямыми ногами [Ковалева, 2013: 97–98]; в кургане Пазырык-1 на Алтае самый лучший конь № 10 в маске оленя находился в северной половине ямы и был ориентирован головой на восток [Грязнов, 1950: рис. 3 и 16] и т. д.

Известно, что в одной кладке лебеди в среднем откладывают пять яиц и по очереди их насиживают в течение 40 дней. Поэтому образ лебедя можно связать как с Новой Жизнью, так и с погребальным обрядом и поминками на 40-й день, когда душа погребённого уходит на небо, а затем с новым возрождением к жизни через «яйца птиц» (Дэлийн уул в Монголии) или «семена человека» (Большой Салбыкский курган в Хакасии и Пазырыке на Алтае).

Символ-образ лебедя объединяет три природные стихии — Небо (воздух), Воду и Землю, поэтому лебедь является сакральной птицей Жизни и Смерти. В мифологии разных народов мира яйцо Белого Лебедя из хаоса рождает новую Вселенную и Жизнь. Черный Лебедь борется с Белым и олицетворяет Землю, Воду, Смерть, странствие Души в иных мирах. Вероятно, не случайно на восточной стенке плиточной могилы из Дэлийн уула контуром, что могло ассоциироваться с «белым цветом» и Жизнью, выбиты небольшие фигурки двух птенцов, пяти «яиц и две крупные фигуры лебедей (рис. 10.-6–7), а на западной стенке, ассоциируемой со смертью, полётом души, сплошной выбивкой («черным цветом») показаны три фигурки птиц с длинной шеей (рис. 10.-2, 9).

Лебеди из войлока, с белым туловом, черным клювом и черными кончиками перьев крыльев, найденные в погребальной камере кургана Пазырык-5 на Алтае [Руденко, 1953], также символизируют процесс перехода от Жизни к Смерти и к Новому Возрождению.

Идея «Пути», широко распространённая на территории Евразии в первой половине I тыс. до н. э., к середине этого тысячелетия в Китае оформилась в глубокое философско-религиозное учение о Дао — Пути, которое учит о космических истоках Дао: «Человек зависит от Земли, Земля — от Неба, Небо — от Дао, а Дао — от себя самого».

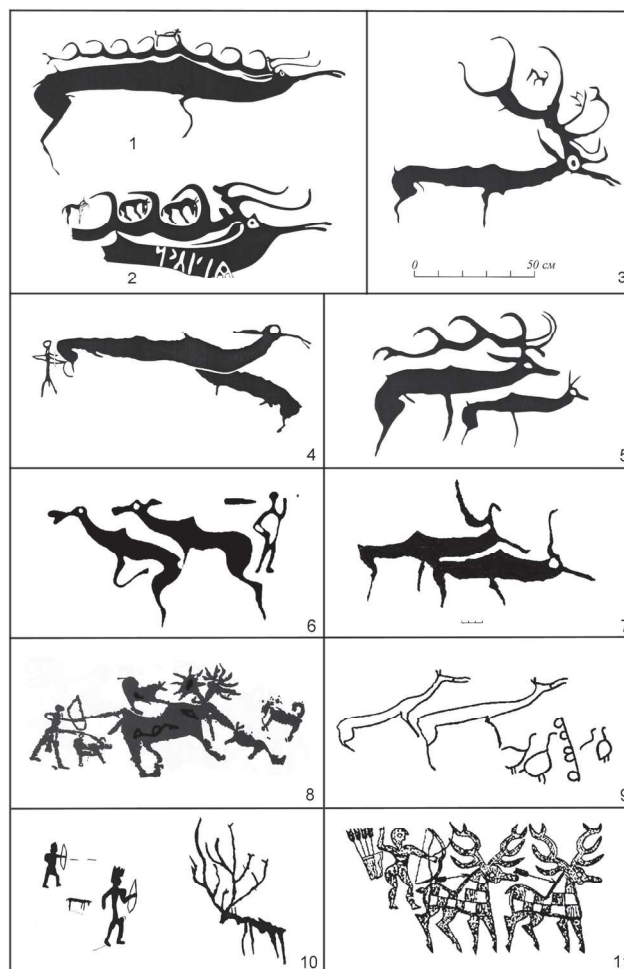

Рис. 11. Стилистически и семантически близкие изобразительные образы из разных регионов Евразии (частично отражающие «следы» передвижения артелей мастеров): 1–3 – изображение оленей со «вписанными» в их рога малыыми фигурками животных (1 – Монголия, Шивээт-Хайран; 2 – Тува, Самагалтай; 3 – Алтай, Туру-Алты); 4, 6; 8–11 – изображения оленей и сцен охоты на оленя (4–5 – Туру-Алты, Юго-Восточный Алтай; 6 – Монголия, «оленный» камень; 7 – Майемер, Юго-Западный Алтай; 8 – Бага-Ойгур V, Монгольский Алтай, 9 – Дэлийн уул, Монголия, каменная оградка; 10 – Семисарт, Алтай; 11 – Тлийский могильник, погр. 350 (Закавказье). По материалам В. Д. Кубарева (1, 8), Л. С. Марсадолова (2–5, 10); В. В. Волкова (6, 9); З. С. Самашева (7); Б. В. Техова (11), составлено Л. С. Марсадоловым

Fig. 11. Stylistically and semantically similar pictorial images from different regions of Eurasia (partially reflecting the «traces» of the movement of artels of masters): 1–3 – the image of deer with small figures of animals «inscribed» in their horns (1 – Mongolia, Shiveet-Khairan; 2 – Tuva, Samagaltai; 3 – Altai, Turu-Alty); 4, 6; 8–11 – images of deer and deer hunting scenes

(4–5 – *Turu-Alty, southeast Altai*; 6 – *Mongolia, «deer» stone*; 7 – *Mayemer, southwest Altai*; 8 – *Baga-Oygur V, Mongolian Altai*, 9 – *Deliin uul, Mongolia, stone enclosure*; 10 – *Semisart, Altai*; 11 – *Tliysky burial ground, burial 350 (Transcaucasia)* Based on the materials of V. D. Kubarev (1, 8), L. S. Marsadolov (2–5, 10); V. V. Volkova (6, 9); Z. S. Samasheva (7); B. V. Tekhova (11), compiled by L. S. Marsadolov

Заключение

Святилище в Туру-Алты функционировало, вероятно, с перерывами длительный период — с эпохи бронзы до этнографического времени. На святилищах в Туру-Алты, Семисарте, Адыр-Кане, Майэмире и других на наиболее значимой скальной «алтарной» плоскости расположены сакральные композиции, связанные с образами оленей или «охотой» на оленя, отражающие культы Солнца и Неба, не только промысловой, но и Небесной Охоты легендарных героев (рис. 5–8, 11). Суммируя данные о древних святилищах Саяно-Алтая, можно отметить, что они имели общие и специфические черты. Одно дело открытие нового сакрально значимого для союза племён ритуального центра, а другое — небольшие племенные или родовые культовые места. Объекты закладывались в специально выбранных точках и в определённое время. Этот процесс требовал больших духовно-научных знаний, материальных ресурсов и затрат. Исследования в Саяно-Алтае показали, что существовали свои каноны и правила поиска, разметки и сооружения будущего культового памятника, которые определяли специально подготовленные люди, возможно, жрецы или геоманты, знавшие основы сакрально-планировочного «искусства», своеобразного саяно-алтайского варианта «фэн-шуй». В горных ландшафтах сначала выбирали подходящую долину или урочище, затем определяли ритуально важный центр комплекса, а позднее и места для основных объектов.

На обширных просторах Центральной Азии в раннескифское время одновременно сосуществовало несколько мастеров или «артелей», которые придерживались определенных стилистических направлений [Марсадолов, 2004]. Отдельные мастера соблюдали определенные стилистические каноны, которые со временем стали пользоваться большой популярностью в горных и степных регионах. Об этом свидетельствуют разные по стилю «оленные» камни и наскальные рисунки, находящиеся на одном культовом центре (Юстыд на Алтае; Саглы, Аржан в Туве; разные пункты в Монголии и др.) или в сложном погребальном комплексе типа кургана Аржан-1. Мастера могли выбирать стилистически близкие изображения как на каменных изваяниях, так и на скальных плоскостях (рис. 11) [Марсадолов, 2007; Марсадолов, Самашев, 2000; Волков, 2002; Кубарев, Цэвээндорж, Якобсон, 2005]. Со временем будут более точно определены маршруты разных жрецов, мастеров и «артелей», переходивших в зависимости от заказов из одного пункта в другой, придерживавшихся определенных сакральных и стилистических традиций, своеобразных «школ и направлений», функционировавших в течение длительного времени.

Вертикальные каменные стелы (рис. 12) и «оленные» камни [Кубарев, 1979; Грязнов, 1980; Савинов, 1994; Волков, 2002], установленные в горизонтальных подпрямоугольных или круглых оградках, служили своеобразными сакральными посредниками между Небом и Землей [Марсадолов, 2001, 2007].

Рис. 12. Святилище Туру-Алты: 1 – общий вид урочища с южной стороны (на переднем плане 4 стелы оградки № 5); 2 – стела и оградка № 1; 3 – две стелы и оградка № 8.

Фотографии Л. С. Марсадолова

Fig. 12. Sanctuary of Turu-Alty: 1 – general view of the tract from the south side (in the foreground there are 4 steles of enclosure No. 5); 2 – stele and enclosure No. 1; 3 – 2 steles and enclosure No. 8. Photographs by L. S. Marsadolov

Малые и большие ритуальные центры и святилища были в древности связаны между собой и образовывали «цепочки» сакральных объектов, растянутые на десятки, сотни и тысячи километров, составляя своеобразную древнюю «культурно-геодезическую сетку». В целом святилища, погребальные памятники и культовые места были одними из главных частей общей сакральной «модели мира», культурной, политической и этнической истории древних народов Евразии II–I тыс. до н. э. Именно на таких объектах кочевники по мере возможности старались воспроизвести её основные элементы [Марсадалов, 2000, 2007, 2021; Дашковский, 2011]. Безусловно, древних святилищ на Саяно-Алтае было значительно больше, чем перечислено выше, и они были разными по своей сакральности, временной, региональной и социальной значимости.

Следует отметить, что в первой половине I тыс. до н. э. у народов Центральной Азии формируется культ Неба и светил, позднее названный «Тенгри», а идея «Пути» от земной жизни на Небо вошла составной частью в тенгрианство. Отражение этого культа было выявлено как на ряде межгорных святилищ Алтая (Туру-Алты, Семисарт, Адыр-Кан, Майэмир и др.), где на значимой скальной «алтарной» плоскости расположены сакральные композиции, связанные с образами оленей или «охотой» на устремлённого к небу оленя. На святилищах, находящихся на открытых степных долинах (Аржан-1, Саглы, Юстыд), сакральные представления о Небе нашли наиболее яркое отражение не только на знаменитых курганах-храмах, но и на многочисленных «оленных» камнях Евразии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Волков В. В. Бронзовый и ранний железный век Северной Монголии. Улан-Батор, 1967. 148 с.
- Волков В. В. Оленные камни Монголии. М. : Научный мир, 2002. 248 с.
- Грязнов М. П. Первый Пазырыкский курган. Л. : Гос. Эрмитаж, 1950. 90 с.
- Грязнов М. П. Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л. : Наука, 1980. 61 с.
- Дашковский П. К. Сакрализация правителей кочевых обществ Южной Сибири и Центральной Азии в древности и средневековье // Известия Алтайского государственного университета. Серия: История. 2007. № 4. С. 46–52.
- Дашковский П. К. Мироззрение кочевников Саяно-Алтая и сопредельных территорий поздней древности и раннего средневековья (отечественная историография и современные исследования): монография. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2011. 244 с.
- Дэвлет М. А. Образ пути-дороги в наскальном искусстве Сибири и Центральной Азии // Исторический ежегодник. Специальный выпуск. Омск, 2000. С. 76–81.
- Жречество и шаманизм в скифскую эпоху : материалы Международной конференции. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 1996. 202 с.
- Ковалева О. В. Рисунки на плитах и стелах кургана Барсучий лог // Научное обозрение Саяно-Алтая. Абакан, 2013. № 1 (5). С. 91–111.
- Кубарев В. Д. Древние изваяния Алтая (Оленные камни). Новосибирск : Наука, 1979. 120 с.
- Кубарев В. Д., Якобсон Э., Масумото Т. Исследования в предгорьях Сайлюгема // Altaica. Novosibirsk, 1993. Issue 2. С. 63–73.

Кубарев В. Д., Цэвээндорж Д., Якобсон Э. Петроглифы Цагаан-Салаа и Бага-Ойгура (Монгольский Алтай). Новосибирск : Изд-во ИАЭ СО РАН, 2005. 640 с.

Марсадолов Л. С. Исследования Саяно-Алтайской экспедиции в Горном Алтае // Отчетная археологическая сессия: тезисы докладов / Государственный Эрмитаж. СПб., 1996. С. 5–7.

Марсадолов Л. С. Художественные образы и идеи на Великом степном пути Евразии в IX–VII вв. до н. э. // Международная конференция по первобытному искусству. 3–8 августа 1998 г. Кемерово, 1999. Т. 1. С. 152–163.

Марсадолов Л. С. Археологические памятники IX–III вв. до н. э. горных районов Алтая как культурно-исторический источник (феномен пазырыкской культуры) : дис... д-ра культурологии. СПб., 2000. 56 с.

Марсадолов Л. С. Комплекс памятников в Семисарте на Алтае // Материалы Саяно-Алтайской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа. Вып. 4. СПб. : Копи Р, 2001. 65 с.

Марсадолов Л. С. Ритуальный центр в урочище Туру-Алты на Алтае // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул, 2003. Кн. 1. С. 293–299.

Марсадолов Л. С. Артели мастеров по камню как одни из основных хранителей и носителей стилистических традиций в Центральной Азии (к постановке проблемы) // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции : материалы тематической научной конференции. СПб., 2004. С. 283–289.

Марсадолов Л. С. Отчёт об исследовании древних святилищ Алтая в 2003–2005 годах // Материалы Саяно-Алтайской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа. Вып. 5. СПб. : Гос. Эрмитаж, 2007. 278 с.

Марсадолов Л. С. Материальные следы сакральной идеи «Жизнь — Смерть — Возрождение» в Большом Салбыкском кургане // Материалы Международного симпозиума хакасского эпоса, VIII Международной научной конференции «Народы и культуры Саяно-Алтая и сопредельных территорий», посвященной 300-летию открытия памятников енисейской письменности и Году хакасского эпоса в Республике Хакасия (23–25 сентября 2021 г.). Абакан, 2021. С. 8–16.

Марсадолов Л. С., Самашев З. С. Изучение археологических памятников Западного Алтая // Материалы Саяно-Алтайской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа. Вып. 3. СПб. : Копи Р, 2000. 32 с. + 42 рис.

Мартынов А. И., Сивина К. Н., Мещерский Р. Д. Гора Туру-Алты в Горном Алтае и проблема идентификации древних святилищ // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. № 21 (3). С. 626–634.

Молодин В. И., Ефремова Н. С. Грот Куйлю — культовый комплекс на реке Кучерле (Горный Алтай). Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2010. 264 с.

Новгородова Э. А. Древняя Монголия. М. : Главная редакция восточной литературы, 1989. 384 с.

Окладников А. П., Запорожская В. Д. Петроглифы Забайкалья. Л. : Наука, 1970. Ч. 2. 264 с.

Окладников А. П., Ларичев В. Е. Археологические исследования в Монголии в 1964–1966 гг. // Известия СО АН СССР. № 6. Серия: Общественные науки. Новосибирск, 1967. Вып. 2. С. 80–91.

Руденко С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М. ; Л. : АН СССР, 1953. 403 с.

Савинов Д. Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб. : Изд-во СПб ГУ, 1994. 209 с.

Святилища: археология ритуала и вопросы семантики: материалы тематической научной конференции. СПб. : Изд-во СПб ГУ, 2000. 236 с.

Советова О. С. Петроглифы тагарской эпохи на Енисее (сюжеты и образы). Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2005. 140 с.

Техов Б. В. Кобанско-тилийское графическое искусство. Владикавказ ; Цхинвал : Изд-во Владикавказского научного центра, 2001. 316 с.

Тишкин А. А., Горбунов В. В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. 200 с.

Шелепова Е. В. Ритуальные памятники кочевников Алтая поздней древности и раннего средневековья : дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2009. 24 с.

Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М. : Наука, 1980. 328 с.

Шульга П. И. Погребально-поминальный комплекс скифского времени на р. Сентелек // Святилища: археология ритуала и вопросы семантики : материалы тематической научной конференции. СПб., 2000. С. 215–218.

Якобсон Э. Исследования в Чуйской степи // Охрана и изучение культурного наследия Алтая: тезисы научно-практической конференции. Барнаул, 1993. Ч. I. С. 26–29.

REFERENCES

Dashkovskiy P. K. Sakralizashiya pravitelej kochevy`kh obshchestv Yuzhnoj Sibiri i Tsentral`noj Azii v drevnosti i srednevekov`e [The sacralization of the rulers of nomadic societies of Southern Siberia and Central Asia in Antiquity and the Middle Ages]. *Izvestiya AGU. Seriya istoriya* [Izvestiya Altajskogo universiteta. Series History]. Barnaul, 2007. N 4. S. 46–52 (in Russian).

Dashkovskiy P. K. *Mirovozzrenie kochevnikov Sayano-Altaya i sopredel`nykh territorij pozdnej drevnosti i rannego srednevekov`ya (otechestvennaya istoriografiya i sovremennye issledovaniya): monografiya* [Worldview of the nomads of the Sayan-Altai and adjacent territories of late antiquity and the early Middle Ages (Russian historiography and modern research): monograph]. Barnaul: Izdatel'stvo Altayskogo universiteta, 2011, 244 s. (in Russian).

Devlet M. A. Obraz puti-dorogi v naskal'nom iskusstve Sibiri i Tsentral'noj Azii [The image of the way-road in the rock art of Siberia and Central Asia]. *Istoricheskij ezhegodnik. Spetsial'nyj vypusk* [Historical Yearbook. Special issue]. Omsk, 2000. S. 76–81 (in Russian).

Grjaznov M. P. *Pervyj Pazyrykskij kurgan* [The First Pazyryk barrow]. Leningrad: Gos. Ermitazh, 1950. 90 s. (in Russian).

Gryaznov M. P. *Arzhan. Tsarskij kurgan ranneskifskogo vremeni* [Arzhan. Royal's barrow of early Scythian time]. Leningrad: Nauka, 1980, 61 s. (in Russian).

Kovaleva O. V. Risunki na plitakh i stelakh kurgana Barsuchij log [Drawings on the slabs and steles of the Badger Log mound]. *Nauchnoe obozrenie Sajano-Altaja* [Scientific Review of Sayano-Altai]. Abakan, 2013. N 1 (5). S. 91–111 (in Russian).

Kubarev V. D. *Drevnie izvayaniya Altaya (Olennye kamni)* [Ancient statues of Altai (Deer stones)]. Novosibirsk: Nauka, 1979. 120 s. (in Russian).

Kubarev V. D., Yakobson E., Masumoto T. *Issledovaniya v predgor'jakh Sajljugema* [Research in the foothills of Sailugem]. Altaica. Novosibirsk, 1993. N 2. S. 63–73 (in Russian).

Kubarev V. D., Tseveendorzh D., Yakobson E. *Petroglify Tsagaan-Salaa i Baga-Oygura (Mongol'skiy Altay)* [Petroglyphs of Tsagaan-Salaa and Baga-Oygur (Mongolian Altai)]. Novosibirsk: Izdatel'stvo IAE SO RAN, 2005. 640 s.

Marsadolov L. S. Issledovaniya Sajano-Altajskoj ekspeditsii v Gornom Altae [Research of the Sayan-Altai expedition in Gorny Altai]. *Otchetnaja arkhologicheskaja sessija. Maj 1996 goda. Tezisy dokladov. Gosudarstvennyj Ermitazh* [Reporting archaeological session. May 1996. Abstracts of reports. The State Hermitage Museum]. Sankt-Peterburg, 1996. S. 5–7 (in Russian).

Marsadolov L. S. Khudozhestvennye obrazy i idei na Velikom stepnom puti Evrazii v 9–7 vv. do n. e. [Artistic images and ideas on the Great Steppe Way of Eurasia in the 9–7 centuries BC]. *Mezhdunarodnaya konferentsiya po pervobytnomu iskusstvu. 3–8 avgusta 1998. Trudy* [International conference on primitive art. August 3–8, 1998. Proceedings]. Kemerovo, 1999, Tom 1. S. 152–163 (in Russian).

Marsadolov L. S. *Arkheologicheskie pamjatniki IX–III vv. do n. e. gornykh rajonov Altaja kak kul'turno-istoricheskij istochnik (fenomen pazyrykskoj kul'tury). Dis... d-ra kul'turologii* [Archaeological monuments of the 9th–3rd centuries BC mountainous regions of Altai as a cultural and historical source (the phenomenon of the Pazyryk culture). Ph. D. Thesis in Culturology]. Sankt-Peterburg, 2000. 56 s (in Russian).

Marsadolov L. S. *Kompleks pamjatnikov v Semisarte na Altae. Materialy Sajano-Altajskoj arkheologicheskoi ekspeditsii Gosudarstvennogo Ėrmitazha* [Complex of monuments in Semisart in Altai. Materials of the Sayano-Altai archaeological expedition of The State Hermitage]. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo "Kopi R", 2001. N 4. 65 s. + 118 ris. (in Russian).

Marsadolov L. S. *Ritual'nyj tsentr v urochishche Turu-Alty na Altae* [Ritual center in the Tura-Alty tract in Altai]. *Istoricheskij opyt khozajstvennogo i kul'turnogo osvoenija Zapadnoj Sibiri* [Historical experience of economic and cultural development of Western Siberia]. Barnaul, 2003. Kniga 1. S. 293–299 (in Russian).

Marsadolov L. S. Arteli masterov po kamnju kak odni iz osnovnykh khranitelej i nositelej stilisticheskikh traditsij v Tsentral'noj Azii (k postanovke problemy) [Artels of stone masters as one of the main keepers and carriers of stylistic traditions in Central Asia (to the problem statement)]. *Izobrazitel'nye pamjatniki: stil', epokha, kompozitsii. Materialy tematicheskoi nauchnoj konferentsii* [Fine monuments: style, era, compositions. Materials of the thematic scientific conference]. Sankt-Peterburg, 2004. S. 283–289 (in Russian).

Marsadolov L. S. Otchyot ob issledovanii drevnykh svyatilishch Altaja v 2003–2005 godakh. *Materialy Sajano-Altajskoj arkheologicheskoi ekspeditsii Gosudarstvennogo Ermitazha* [Report on the study of the ancient sanctuaries of Altai in 2003–2005. Materials of the Sayano-Altai archaeological expedition of The State Hermitage Museum]. Sankt-Peterburg: Gos. Ėrmitazh, 2007. N 5. 278 s. (in Russian).

Marsadolov L. S. Material'nye sledy sakral'noj idei "Zhizn' — Smert' — Vozrozhdenie" v Bol'shom Salbykskom kurgane [Material traces of the sacral idea "Life-Death-Rebirth" in the Great Salbyk Kurgan]. *Materialy Mezhdunarodnogo simpoziuma khakasskogo eposa, VIII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii "Narody i kul'tury Sajano-Altaja i sopredel'nykh territorij", posvjashchennoj 300-letiyu otkrytija pamjatnikov enisejskoj pis'mennosti i Godu khakasskogo eposa v Respublike Khakasija (23–25 sentjabrja 2021 g)* [Materials of the International Symposium of the Khakas's Epic, VIII International Scientific Conference «Peoples and Cultures of Sayan-Altai and Adjacent Territories' dedicated to the 300th anniversary of the discovery of monuments Yenisei writing and the Year of the Khakas's epic in the Republic of Khakassia (September 23–25, 2021)]. Abakan, 2021. S. 8–16 (in Russian).

Marsadolov L. S., Samashev Z. S. Izuchenie arkheologicheskikh pamjatnikov Zapadnogo Altaja. *Materialy Sajano-Altajskoj arkheologicheskoj ekspeditsii Gosudarstvennogo Ermitazha* [Study of archaeological sites of Western Altai. Materials of the Sayano-Altai archaeological expedition of the The State Hermitage Museum]. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo "Kopi R", 2000. N 3. 32 s. + 42 ris. (in Russian).

Martynov A. I., Sivina K. N., Meshcherskij R. D. Gora Turu-Alty v Gornom Altae i problema identifikatsii drevnix svyatilishch [Mount Turu-Alty in the Mountain Altai and the problem of identification of ancient sanctuaries]. *Vestnik Kemerovskogo gos. universiteta* [Bulletin of the Kemerovo State University]. 2019. № 21 (3). S. 626–634 (in Russian).

Molodin V. I., Efremova N. S. *Grot Kujlyu — kul'tovyy kompleks na reke Kucherle (Gornyy Altaj)* [Kuylyu grotto — a cult complex on the Kucherle River (Mountain Altai)]. Novosibirsk: Izdatel'stvo SO RAN, 2010. 264 s. (in Russian).

Novgorodova E. A. *Drevnjaja Mongolija* [Ancient Mongolia]. Moskva: Glavnaja redaktsija vostochnoj literatury, 1989. 384 s. (in Russian).

Okladnikov A. P., Zaporozhskaja V. D. *Petroglify Zabajkal'ja* [Petroglyphs of Transbaikalia]. Leningrad: Nauka, 1970. Chast' 2. 264 c. (in Russian).

Okladnikov A. P., Larichev V. E. Arkheologicheskie issledovaniya v Mongolii v 1964–1966 gg. [Archaeological research in Mongolia in 1964–1966]. *Izvestija SO AN SSSR. № 6. Serija: Obshchestvennye nauki* [Proceedings of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences]. Novosibirsk, 1967. N 2. S. 80–91 (in Russian).

Rudenko S. I. *Kul'tura naseleniya Gornogo Altaja v skifskoe vremya* [Culture of the population of Altai Mountain in Scythian time]. Moskva. — Leningrad.: AN SSSR, 1953. 403 s. (in Russian).

Savinov D. G. *Olenny'e kamni v kul'ture kochevnikov Evrazii* [Deer stones in the culture of the nomads of Eurasia]. St. Petersburg: Izdatel'stvo SPB GU, 1994. 209 s. (in Russian).

Shelepova E. V. *Ritual'nye pamyatniki kochevnikov Altaya pozdnej drevnosti i rannego srednevekovya. Diss... kand. istor. nauk* [Ritual monuments of Altai nomads of late antiquity and early Middle Ages. Ph. D. Thesis in History]. Barnaul, 2009. 24 s. (in Russian).

Sher Ya. A. *Petroglify Srednej i Tsentral'noj Azii* [Petroglyphs of Middle and Central Asia]. Moskva: Nauka, 1980. 328 s. (in Russian).

Shul'ga P. I. Pogrebal'no-pominal'ny'j kompleks skifskogo vremeni na r. Sentelek [Funeral and memorial complex of the Scythian time on the Sentelek river]. *Svyatilishcha: arkheologiya rituala i voprosy' semantiki. Materialy' tematicheskoy nauchnoj konferentsii* [Sanctuaries:

archaeology of ritual and questions of semantics. Materials of the thematic scientific conference. St. Petersburg, 2000. S. 215–218 (in Russian).

Sovetova O. S. *Petroglify tagarskoj epokhi na Enisee (sjuzhety i obrazy)*. [Petroglyphs of the Tagar era on the Yenisei (subjects and images)]. Novosibirsk: Izdatel'stvo IAE SO RAN, 2005. 140 s. (in Russian).

Svyatilishcha: arkheologiya rituala i voprosy semantiki. Materialy tematicheskoy nauchnoj konferencii [Sanctuaries: the archaeology of ritual and questions of semantics. Materials of the thematic scientific conference. St. Petersburg: Izdatel'stvo SPB GU, 2000. 236 s. (in Russian).

Tekhov B. V. *Kobansko-tliyskoye graficheskoye iskusstvo* [Koban-Tlian graphic art]. Vladikavkaz, Tskhinval: Izdatel'stvo Vladikavkazskogo nauchnogo tsentra, 2001. 316 s.

Tishkin A. A., Gorbunov V. V. *Kompleks arkheologicheskikh pamyatnikov v doline r. Bijke (Gornyy Altaj)* [Complex of archaeological monuments in the valley of the Bike River (Mountain Altai)]. Barnaul: Izdatel'stvo Altajskogo universiteta, 2005. 200 s. (in Russian).

Volkov V. V. *Bronzovyj i rannij zheleznyj vek Severnoj Mongolii* [The Bronze and Early Iron Age of Northern Mongolia]. Ulan-Bator, 1967. 148 s. (in Russian).

Volkov V. V. *Oleanye kamni Mongolii* [Deer stones of Mongolia]. Moskva, 2002. 248 s. (in Russian).

Yakobson E. *Issledovaniya v Chujskoj stepi* [Research in the Chui steppe]. *Okhrana i izuchenie kul'turnogo naslediya Altaya. Tezisy' nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Protection and study of the cultural heritage of Altai. Abstracts of the scientific and practical conference]. Barnaul, 1993. Part I. S. 26–29 (in Russian).

Zhrechestvo i shamanizm v skifskuyu epokhu [Priesthood and shamanism in the Scythian era]. *Materialy' mezhdunarodnoj konferentsii* [Materials of the international conference]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Gos. Ermitazha, 1996. 202 s. (in Russian).

Статья поступила в редакцию: 23.11.2021.

Принята к публикации 28.04.2022.

Дата публикации 30.06.2022.